

Скан. 3D 1416

2017

139
12

139
12

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Самотека, Троицкое подворье,
редакция «Вестника Синода».

№ 1

1925 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1925 год

(на 10 №№) 6 рублей.

Цена отдельного № 75 коп.

Наложенным платежом журнал высылается
на сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ №

I. Часть официальная

1. О Вселенском Соборе.
2. Предсоборная Комиссия.
3. Пл. нум. Св. Синода.
4. Свод...

3. Обзор современного положения Русской Церкви. — Проф. В. З. Белликова.
4. Апологетическое обоснование обновленчества. — Митрополита Александра Введенского.
5. Два обращения ученых богословов.
6. На православном Востоке.
7. Вселенский патриарх Константин на Афоне. — Статья проф. А. А. Дмитриевского.
8. В католическом мире. — Митроп. А. В.
9. Памяти о. В. Шаповалова. — Протопресв. И. И. Филевского.

Заказ № 836 Пор. № 18

Журнал имеет: 2 стр. илл. илл.

табл. карт.

№№ вып. 1 1925

Замечания:

Расписка отв. за подгот. в перепл.

п. № 2 УПЛ. Зак. 3374 — 50 000. 24-8-65 г.

Продолжается подписка на «Вестник Св. Синода». Цена на 10 месяцев (март—декабрь)—6 рублей.

отдела Св. Синода.

Цена отдельного №—75 коп. Журнал высылается только по
присылке денег или наложенным платежом. Наложенным
платежом журнал высылается на сумму не менее 3 рублей.
Редакция «Вестника» просит присылать авторов статьи
и сообщения с мест о церковной жизни. В журнале будет
отдел «Почтовый ящик», где будут помещаться ответы на
запросы читателей.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ.

Воззвание Св. Синода.

Священный Синод православной Российской Церкви архипастырям, пастырям и всем верным
о Господе чадам ее—радоваться.

После многих лет томительного сумрака загорается на
Востоке заря оживления православного сознания, в сынах
Церкви Христовой. С благословения Вселенского Патриарха
Константинопольского Константина VI (с согласия других
патриархов Восточных) на день Св. Пятидесятницы назна-
чен в Св. граде Иерусалиме созыв Вселенского Собора, о
котором, наряду со всеми христианскими Церквями, изве-
щена и наша Церковь Российская через Священный Синод
ее.

Много вопросов жизни церковной подлежит разрешению
этого Собора, и среди них на первый план сейчас выдвигает-
ся единство всех христианских Церквей.

Но чужда миру сему Христова Истина, засоренная
пылью недомыслия человеческого, и осознать ее с новой яр-
костью и жизненно-ценной отчетливостью—задача нашего
времени.

В единстве всей Церкви Вселенской—наше спасение.
Охраняя и поддерживая единение между предстоятелями
отдельных поместных Церквей, соборным разумом вырешая
недоуменные вопросы жизни церковной, мы устроим Цер-
ковь Божию, устроим себя в единое тело Христово, вне ко-
торого нет и не может быть спасения. Господь и Бог Наш

Иисус Христос говорил: «Я есмь лоза, а вы ветви... Если пре-
будете во Мне и слова Мои к вам пребудут, то чего ни поже-
лаете, просите и будет вам». Ио. 15, стр. 5, 7).

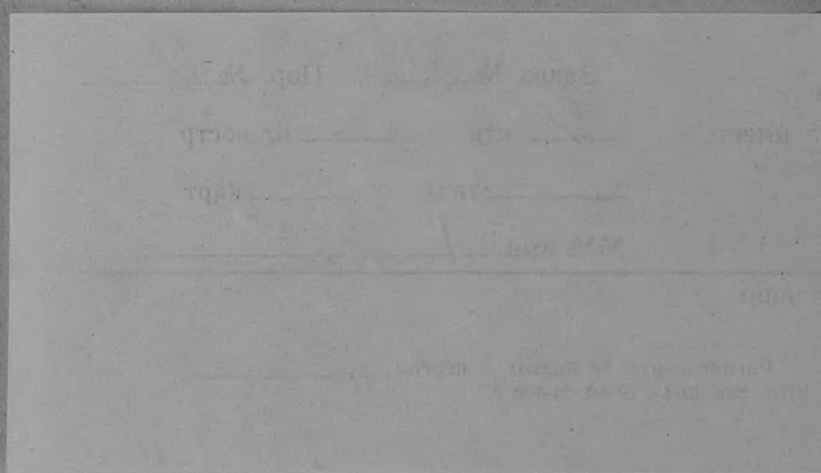
Лик Христа затемнился среди общества верующих, и
считающие себя учениками Господа забыли в жизни, в забо-
тах земных, Спасителя Своего... Грядущий Вселенский Собор
должен помочь христианам всего мира, найти объединение
любви, связующей во едино чад Церкви Божией.

Вот почему и возрадовались мы, когда в собрании Свя-
щенного Синода, вместе с работниками со всей нивы Церкви
Российской, 27 января с. г. заслушали мы извещение Все-
ленского Патриарха о программе Собора; вот почему и вам
поспешаем сообщить сию добрую весть.

Да возрадуется и ваше сердце, и в молитвенном смире-
нии души верующих да подготовятся к слушанию гласа
Духа Божия.

Архипастыри и пастыри Церкви Российской! Вспомни-
те долг ваш перед Христовой Церковью, и, забыв свои раз-
доры, посылно устремитесь к святому делу объединения всех
православных.

Носители богословского ведения, принесите на алтарь
Церкви Вселенской свой опыт, свои знания, свое авторитет-

139
12

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Самотека, Троицкое подворье,
редакция «Вестника Синода».

№ 1

1925 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1925 год

(на 10 №№) 6 рублей.

Цена отдельного № 75 коп.

Наложенным платежом журнал высылается
на сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ №

I. Часть официальная

1. О Вселенском Соборе.
2. Предсоборная Комиссия.
3. Пленум Св. Синода.
4. Состав Св. Синода.
5. Циркуляры Св. Синода.

II. Часть неофициальная.

1. Современный церковный момент. — Статья проф. *Б. В. Тим-линова*.
2. К Вселенскому Собору. — Статья проф. прот. *Н. Г. Попова*.

3. Обзор современного положения Русской Церкви. — Проф. *В. З. Белоликова*.

4. Апологетическое обоснование обновленчества. — Митро-полита *Александра Введенского*.

5. Два обращения ученых богословов.

6. На православном Востоке.

7. Вселенский патриарх Константин на Афоне. — Статья проф. *А. А. Дмитриевского*.

8. В католическом мире. — Митроп. *А. В.*

9. Памяти о. В. Шаповалова. — Протопресв. *И. И. Филевского*.

От издательского отдела Св. Синода.

Издательский отдел Св. Синода доводит до сведения лиц, подписавшихся на журнал «Христианин», что, в силу различных обстоятельств, выпуск журнала «Христианин» приостановлен, подписчики же будут удовлетворены высылкой «Вестника Св. Синода» по расчету стоимости.

Продолжается подписка на «Вестник Св. Синода». Цена на 10 месяцев (март—декабрь)—6 рублей.

Цена отдельного №—75 коп. Журнал высылается только по присылке денег или наложенным платежом. Наложенным платежом журнал высылается на сумму не менее 3 рублей.

Редакция «Вестника» просит присылать авторов статьи и сообщения с мест о церковной жизни. В журнале будет отдел «Почтовый ящик», где будут помещаться ответы на запросы читателей.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ.

Воззвание Св. Синода.

Священный Синод православной Российской Церкви архипастырям, пастырям и всем верным о Господе чадам ее—радоваться.

После многих лет томительного сумрака загорается на Востоке заря оживления православного сознания, в сынах Церкви Христовой. С благословения Вселенского Патриарха Константинопольского Константина VI (с согласия других патриархов Восточных) на день Св. Пятидесятницы назначен в Св. граде Иерусалиме созыв Вселенского Собора, о котором, наряду со всеми христианскими Церквами, извещена и наша Церковь Российская через Священный Синод ее.

Много вопросов жизни церковной подлежит разрешению этого Собора, и среди них на первый план сейчас выдвигается единство всех христианских Церквей.

Но чужда миру сему Христова Истина, засоренная пылью недомыслия человеческого, и осознать ее с новой яркостью и жизненно-ценной отчетливостью—задача нашего времени.

В единстве всей Церкви Вселенской—наше спасение. Охраняя и поддерживая единение между предстоятелями отдельных поместных Церквей, соборным разумом вынося недоуменные вопросы жизни церковной, мы устроим Церковь Божию, устроим себя в единое тело Христово, вне которого нет и не может быть спасения. Господь и Бог Наш

Иисус Христос говорил: «Я есмь лоза, а вы ветви... Если пребудете во Мне и слова Мои к вам пребудут, то чего ни пожелаете, просите и будет вам». Ио. 15, стр. 5, 7).

Лик Христа затемнился среди общества верующих, и считающие себя учениками Господа забыли в жизни, в заботах земных, Спасителя Своего... Грядущий Вселенский Собор должен помочь христианам всего мира, найти объединение любви, связующей во едино чад Церкви Божией.

Вот почему и возрадовались мы, когда в собрании Священного Синода, вместе с работниками со всей нивы Церкви Российской, 27 января с. г. заслушали мы извещение Вселенского Патриарха о программе Собора; вот почему и вам предлагаем сообщить сию добрую весть.

Да возрадуется и ваше сердце, и в молитвенном смирении души верующих да подготовятся к слушанию гласа Духа Божия.

Архипастыри и пастыри Церкви Российской! Вспомните долг ваш перед Христовой Церковью, и, забыв свои раздоры, поспешно устремитесь к святому делу объединения всех православных.

Носители богословского ведения, принесите на алтарь Церкви Вселенской свой опыт, свои знания, свое авторитет-

ное слово, которого ждут от Вас Церкви Восточные, как то видно из грамоты Патриарха Константинопольского о созыве Собора.

Через Священный Синод Церкви Российской и Патриархов Восточных войдите все в общую работу Церкви Вселенской. В самом начале работ собрания Священного Синода и работников с мест молитвенным общением с членами его освятили представители Константинопольской и Александрийской и других автокефальных Церквей наше нерушимое единство с Православным Востоком. Приветствие Св. Синоду в виде пасхальных яниц, посланное почившим патриархом Григорием, и телеграмма на имя Председателя Священного Синода Митрополита Ленинградского Вениамина, с благодарностью за приветствие, присланное новым патриархом Константином VI в день открытия работ Совещания Св. Синода—вещественно доказывают верность этому единству.

Во имя его и дерзает Священный Синод вслух Церкви Вселенской возгласить свое упование, что обновится потускневшее православное сознание жизни церковной, соборным разумом отсечены будут засохшие ветви от древа Церкви Христовой, и ясно осознанная Христова Истина заблестит вновь ярким светом пред сознанием человечества.

Вселенская патриархия.

Перевод с греческого.

Воля Божия совершается. Сотрясаются народы... Как при извержении вулкана, лавой изливается гнев угнетенных на хвляющихся своей силой сынов человеческих, но Бодрствующий над миром простирает к измученным руки Свои... Воздвигается к Нему от земли душа Церкви Христовой, и Вселенское сознание грядущего Собора, верим, приблизит мир «благословенный с небес»...

Сплотитесь же воедино, чада Церкви нашей, готовьтесь к участию в Предстоящем Поместном Соборе Российском, а через него и Соборе Вселенском, и Бог же терпения и утешения да дарует Вам быть в единомыслии между собой, по учению Христа Иисуса, дабы вы единодушно, едиными устами, славили Бога Отца Господа Нашего Иисуса Христа.

Благодать Господа Нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца и общение Св. Духа со всеми Вами. Аминь.

Председатель Св. Синода Митрополит **Вениамин**.

Зав. Административным Отделом Митрополит **Серафим**.

Секретарь Св. Синода проф. **В. Белоликов**.

23 февраля, 1925 г.

Программа работ будущего Вселенского Собора 1925 года в Святом граде Иерусалиме.

I. Общие.

1) Обзорение всего Церковного законодательства (канонического права и применение его к настоящему положению Церкви).

2) Стремление всеми мерами к общению и соединению в Христовой любви со всеми христианскими Церквями.

Частные.

Догматические.

1) Догматы 7 Св. Вселенских Соборов остаются неизменными.

2) Критика богословов на догматы веры.

3) Символические книги Православия (исповедание Митрофана Критопуло, Петра Могилы, Синода в Яссах, Иерусалима и других).

Так как они содержат толкования и взгляды на догматы, сложившиеся после Вселенских Соборов, они требуют точного определения и утверждения Вселенского Собора.

4) Такого же утверждения требуют и различные учения Православной Церкви до и после падения Константинополя (например, таинства, о пресуществлении и др.).

5) Определение официального исповедания Православной Веры.

6) О крещении еретиков.

II. Административная организация Церкви.

1) Значение Вселенского Собора Православной Церкви и определение времени созыва такового.

2) Административные и Местные Соборы Поместных Церквей.

3) Обмен мнений между Поместными Церквями относительно возникающих чрезвычайных вопросов и способ выполнения их.

III. Богослужение.

1) О богослужебных и церковных книгах.

2) Божественная проповедь.

3) Типикон.

4) Время молитвы.

5) Посты (вид и продолжительность их).

6) Священные одежды и сосуды.

7) Иконопись и пение.

IV. Священный клир.

1) Образование и хиротония его (достоинство, возраст, авторитет и проч.).

2) Подробнейшее определение обязанностей и прав каждого из трех степеней священства.

3) О браке клириков.

4) Одевание клириков в церкви и вне церкви.

5) Священные монастыри и монахи.

V. Календарь.

1) Определение Пасхалии и календаря на основании совершающихся уже научных работ.

VI. Разные.

1) Национально-канонически-церковные вопросы.

2) Все другие церковные и богословские вопросы.

С подлинным верно:

Представитель Вселенского Патриарха

Архимандрит **Василий Димопуло**.

Предсоборная комиссия.

Всероссийским Совещанием клира и мирян 31 января 1925 года по докладу Митрополита Серафима «О Вселенском и Поместном Соборах», избрана Предсоборная Комиссия в составе следующих лиц: Митрополита Евдокима, Митрополита Вениамина, Митрополита Серафима, Митрополита Александра, профессоров: протоиерея Н. Г. Попова, Б. В. Титлинова, С. М. Зарина и В. З. Белоликова с предоставлением ей права приглашать нужных лиц.

В заседании 7 февраля Предсоборная Комиссия постановила следующее:

1. От имени Всероссийского Совещания обратиться к Константинопольскому Патриарху с просьбой выяснить характер и направление докладов на Соборе, а также чисто

технические детали: состав предсоборного бюро, порядок выборов, норма представительства и проч.

2. Независимо от времени получения ответа на этот запрос, в виду краткости времени, оставшегося до Собора, начать немедленно самостоятельную подготовку к Вселенскому Собору.

В основу своих работ Комиссия полагает следующее:

1. Представительство Русской Церкви на Вселенском Соборе, согласно постановлению Совещания, признать необходимым.

2. Члены Вселенского Собора избираются Всероссийским Поместным Собором (приблизительно в конце апреля, начале мая).

3. Программа Поместного Собора должна быть расширена включением вопросов, подлежащих решению Вселенского Собора. По этим вопросам должны быть к Поместному Собору представлены специальные доклады и по ним должны быть вынесены решения, как голос Р. П. Ц.

4. Члены Вселенского Собора от Р. П. Ц. должны представить Собору уже готовые мнения от имени Поместного Собора и потому количество представителей не имеет особого значения.

Оставить открытым вопрос о включении в повестку Вселенского Собора дела о тихоновском расколе. Слишком многообразны и не ясны в настоящее время условия, при которых будет протекать работа Вселенского Собора.

5. К участию в трудах Предсоборной Комиссии пригласить следующих лиц, поручив им составление докладов: Епископа Александра Чекановского (Бердичев)—по вопросам догматическим.

Профессора А. Л. Ив. Покровского—по вопросам каноническим.

Профессоров Дмитриевского и Скабаллановича—по вопросам богослужебным.

Профессора-прот. Н. Г. Попова—по вопросам о клире.

Митрополита Киевского Иннокентия—по вопросу о монастырях и монахах.

Профессора Д. А. Лебедева по вопросу о календаре.

Поручить составить доклады по вопросам Рос. Прав. Церкви Митрополиту Александру, профессорам Б. В. Титлинову и В. З. Белоликову.

В заседании Предсоборной Комиссии 11 февраля 1925 года Обсуждали вопрос о характере тех докладов, составление которых было признано необходимым в заседании 7 февраля, и пришли к следующим заключениям.

1. По вопросам каноническим признано необходимым выдвинуть главным образом вопросы о значении принципа каноничности (что считать канонически обязательным для каноничности (что считать канонически обязательным по обстоятельствам времени и местным условиям каждой церкви) и общепризнанных и видоизменяемых нормах канонического права, в частности, применительно к практике и потребностям Русской Церкви; о кодифицировании общеобязательных канонов; о компетенции поместных соборов в деле

применения и видоизменения канонических постановлений и о способах разрешения возникающих на канонической почве церковных разногласий.

2. По вопросам догматическим признано необходимым остановить внимание на принципе догматического творчества и его продолжаемости в церкви, на вопросе о пределах допустимых в рамках вселенского православия догматических разномыслий, о понимании богодухновенности св. Писания, о неизгладимости благодати таинств, в частности таинства священства.

3. По вопросам богослужебным признано желательным обосновать принцип богослужебного творчества, выявить пределы обязательной единообразности в богослужении, указать потребные исправления в богослужебных книгах, утвердить право совершения богослужения на русском языке, установить точку зрения, применительно к условиям русского церковного быта, на время и продолжительность постов, на время и место совершения богослужения и таинств.

4. По вопросу о клире признано необходимым обосновать практику брачного епископата и второбрачия духовенства, а вместе с тем выяснить степень применимости канонических норм брака и по отношению к мирянам, в виду установления гражданского брака, нормы коего не совпадают с нормами церковными.

5. По вопросу о календаре остановить внимание на необходимости согласования церковного календаря с гражданским, независимо от научной точности календарных исчислений.

6. По национально-каноническим церковным вопросам комиссия постановила: поручить профессору Титлинову разработать доклад о существующем управлении Русской Церкви и его исторической и канонической преемственности; митрополиту Александру поручить доклад об отношении Русской Церкви к современным социалистическим течениям и возникающих отсюда изменений в отношении церкви к государству; профессору Белоликову поручить доклад о существующих в Русской Церкви расколо-сектантских течениях и возникающих в связи с этим церковно-практическим вопросам.

7. Просить докладчиков представить свои доклады в Предсоборную Комиссию к 1 мая сего года.

Пленум Св. Синода 27—31 января 1925 г.

Обращение к Правительству СССР.

Всероссийский Съезд духовенства и мирян Православной Российской Церкви настоящим имеет радость обратиться к Правительству СССР с чувствами искреннего поздравления по поводу окончательного закрепления Советского строя как во внутренней государственной жизни, так и вовне. В самом деле, ряд признаний последних месяцев со стороны, казалось бы, непримиримых политических врагов СССР (Франция, Япония и др. государства) свидетельствует о том, что политическая мощь Союза расценивается даже теми, кто прилагал все усилия к удушению нового государственного строя. Это обстоятельство, несомненно, вызвано тем, что и внутри страны Рабоче-Крестьянское Правительство сумело окончательно закрепить свое положение, что, между прочим, характеризуется экономическим подъемом страны и окончательной ликвидацией всех политических антисоветских партий.

Нас, православных обновленцев, глубоко радует эта победа рабочих и крестьян нашей родины. Ибо мы, будучи убежденными христианами, вместе с тем являемся и честными гражданами, всемерно желающими мира и процветания нашего отечества. Видя в Рабоче-Крестьянской Власти единственную власть, которая сможет вывести страну из той разрухи, которую оставил царизм и капиталистическая война, обновленцы уже несколько лет как обратились ко всем православным верующим с призывом искренно и добросовестно признать Советскую Власть, которая была объявлена бывшим патриархом Тихоном, как сатанинская власть, против которой христиане обязаны бороться из-за религиозных мотивов. Как известно, на этой почве между Тихоном и лояльными к Советской Власти обновленцами произошел

раскол, существующий и доселе. Этот раскол вызван и исключительно политическим моментом, так как в церковном отношении обновленцы строго соблюдают основы православия. Тихон же, формально признав Советскую Власть и всенародно раскаявшись в своих преступлениях перед нею летом 1923 года, фактически, как и вся тихоновщина, являются врагами Советского строя. Мы имеем ряд данных, ясно свидетельствующих, что тихоновщина есть последняя, еще недобитая революцией антисоветская группировка под знаменем религии. Поэтому борьба наша с тихоновщиной получает политический характер, так как мы стоим за лояльные, честные отношения к Правительству, на началах декрета об отделении Церкви от Государства и осуждаем попытку Тихона сделать Церковь орудием политической борьбы.

И мы счастливы засвидетельствовать, что параллельно закреплению Советского строя в международном и отечественном масштабе, окрепло и наше, единственно лояльное к Советской Власти, церковное движение. После напряженной борьбы, где наши враги употребляют все методы, вплоть до грубого физического насилия над обновленцами, мы считаем, что первый ожесточенный натиск тихоновщины нами преодолен. За нами начинают идти верующие народные массы, которых мы религиозно воспитываем в духе любви и уважения к народной Советской Власти. Тихоновцы, в лице классовых врагов существующего строя, стараются показать, что обновленчество есть фикция. Мы свидетельствуем, что обновленчество есть широкое движение.

Духовенства обновленческого на всей территории СССР: Епископов 170, священников 17500.

Церквей обновленческих—13650.

Декрет об отделении церкви от государства дает нам всю полноту возможности свободы церковной работы, предоставляя нам действительную свободу совести. Недаром основная мысль декрета принадлежит гению Ленина. Но именно во имя этой свободы совести веровать или не веровать, возмущенной Лениным, мы хотим, чтобы во всех моментах государственной жизни соблюдался этот «религиозный ленинизм», ленинский подход к религиозным людям. Ведь декрет Ленина именно оберегает верующих от каких бы то ни было воздействий на их совесть теми или иными репрессиями. Конечно, физических репрессий у нас нет за веру, но иногда верующий подпадает под действие косвенных репрессий.

Зная, как Советское Правительство стоит на страже ленинизма во всех сферах государственной работы, мы уверены, что и нижеследующие наши пожелания, идущие в развитие декрета об отделении церкви от государства, встретят благожелательное отношение Советского Правительства.

1) Мы просим, чтобы нам было разрешено обучать детей Закону Божьему, как это практиковалось в первые годы революции, либо путем создания домашних школ под ответственностью священника.

2) Мы просим облегчить правовое и экономическое положение духовенства. Правительство пошло уже нам на встречу в этом отношении, облегчив наше налоговое положение, но духовенство крайне стеснено в ряде других вопросов, например, квартирном.

Духовенство сейчас приравнено к лицам свободной профессии. Однако наше экономическое положение не соответствует фактически лицам свободной профессии. Подавляющее большинство духовенства находится в чрезвычайно трудном экономическом положении. Наилучшим исходом было бы для нас приравнение духовенства к служащим в частных предприятиях, поскольку и в действительности священно-служитель является на работе по найму той или иной общины.

3) Мы просим не обременять духовенство непосильной платой за обучение их детей в школах.

4) Мы просим изменить нормальный приходский устав, так как в настоящем своем виде он дает возможность кулацким элементам совета держать в кабале священника из-за экономической нужды, под давлением церковного совета, уходящего в тихоновщину.

5) Мы просим о возвращении нам заграничных православных храмов, находящихся сейчас в руках эмигрантов, которые превращают их в базу для монархической антисоветской агитации.

Мы просим о возвращении нам Троице-Сергиевской Лавры, которая является вековой святыней России.

6) Мы просим не отбирать у обновленцев их храмов и не передавать их тихоновцам. Такие явления на местах бывают зачастую и подрывают наше дело. Замечается так же, что обновленческим группам не дают никакого храма (Москва, Ковров, Муром, и др. города), и необходимо устранить это сугубо ненормальное явление.

7) Мы просим о разрешении нам беспрепятственно совершать установленные крестные ходы, ношение чудотворных икон.

Осуществление этих наших пожеланий даст нам возможность все свои силы бросить на дальнейшую борьбу за обновленческую церковь, единственно, подчеркиваем, лояльную в отношении Советской Власти. Наша работа в течение этих лет, в тихоновском (экономически очень серьезном) окружении, наши достижения в поставленной себе задаче — политическом перевоспитании церковников в смысле принятия ими нового Советского строя, — а также несомненная государственная значимость этой работы, дают нам надежду, что эти просьбы наши будут, при соблюдении неизбежности основ декрета о религии, уважены, что будет несомненно способствовать и еще большему поднятию авторитета Советского Правительства, даже среди его внешних врагов, и окончательно закреплению Советского строя внутри страны.

РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНУМА СВ. СИНОДА.

Резолюция по докладу члена Св. Синода протоиерея П. Н. Красотина.

Заслушав доклад члена Св. Синода о. протоиерея П. Н. Красотина о деятельности Св. Синода за истекший промежуток, начиная со времени Предсоборного Совещания, Соединенное Совещание Пленума Св. Синода и активных деятелей обновленчества настоящим констатирует:

1. Со времени Предсоборного Совещания Священный Синод правильно и систематически проводил в жизнь принцип обновленчества, укрепляя тем позиции обновленцев:

а) Священный Синод достиг правильного отношения с братскими частями единой Православной Русской Церкви — Украинской, Белорусской, Всесибирской и Дальневосточной. Сплоченность всех этих церквей в достижении общих целей, при верности непреложным основаниям православного строительства жизни, одновременно с полной свободой разрешения местных вопросов церковной жизни, укрепило единство всех обновленческих сил церкви и в высшей степени содействует мирному и нормальному течению церковной жизни.

б) Священный Синод, неизбежно стоя на принципе признания правды великой социальной революции, а равно и на принципах декрета об отделении церкви от государства, неуклонно соблюдал интересы церкви, предстательствуя по делам церкви пред лицом государственных властей. Св. Синод в этом отношении встретил, как и всегда, неизменно строго лояльное отношение государственной власти, которая, согласно принципам Советского строительства, разрешает полную свободу религиозного исповедания.

в) Св. Синод имел особое попечение о защите св. веры в противовес развивающейся антирелигиозной пропаганде. Благодаря Советскому законодательству, разрешающему полную свободу религиозной пропаганды, Св. Синод поставил дело апологетики на правильный путь. Священный Синод благословил Митрополита Александра Введенского составить курс современной апологетики, первый том которой в рукописи уже закончен. Св. Синод по своему просветительному отделу провел целый ряд апологетических диспутов, начиная с Москвы и кончая отдельными городами

и селами. Священный Синод заботился и об оживлении издательской деятельности, улучшив журнал «Христианин», регулярно поддерживая популярный рязанский орган «Церковное Обновление» и ряд других обновленческих изданий.

2. Священный Синод по прежнему твердо держится основной линии в отношении русского раскола — тихоновщины, установленной Собором 1923 года и Предсоборным Совещанием 1924 года. Эта линия заключается в резком отграничении от тихоновщины. Она по прежнему остается открытой, а подчас и явной контр-революцией, с точки зрения политической, и религиозным заострением, нарушением основ каноники, с точки зрения церковной.

Поэтому Совещание, всей силой своего авторитета, зовет к продолжению работы по борьбе с тихоновщиной в том же непримиримом направлении, считая, всякое соглашательство с тихоновщиной опасным с политической и с церковной стороны.

3. В результате течения в отчетный период церковной жизни по указаниям Св. Синода, Совещание констатирует непрерывный количественный рост обновленчества и несомненный его подъем нравственно-религиозный в смысле влияния на церковные массы. Мы переживаем сейчас волну подъема обновленчества, в то время как тихоновщина в целом ряде мест несомненно идет на убыль, а вместе с тем и внутренне разлагается, как этого и можно было ожидать, вследствие разрыва тихоновщины с Вселенской Православной Церковью.

4. Поэтому Совещание призывает всех обновленцев, под авторитетным и испытанным руководством Св. Синода объединяющим лучшие монашеские и белые силы церкви, с новым воодушевлением идти на полное ликвидирование тихоновского раскола и действительное выявление обновленческих православных идеалов в условиях новой русской советской действительности, при полном и безусловно лояльном отношении к Рабоче-Крестьянской Власти.

Резолюция по докладу профессора Б. В. Титлинова.

Заслушав доклад профессора Б. В. Титлинова и содокладчика профессора протоиерея Н. Г. Попова «Об историческом обосновании обновленчества», Соединение поручает Священному Синоду:

1. Озаботиться изданием работ профессора Н. Г. Попова по истории канонического права в обновленческом освещении.

2. Создать при Св. Синоде особый издательский отдел, поручив его наиболее активным и компетентным работникам в этой области.

3. Создать при Священном Синоде особую комиссию по точному и определенному изложению обновленческой программы!

4. Призвать места к выявлению сил, могущих быть полезными в научно-общественном обосновании обновленческих идеалов и в собирании материалов по данному вопросу для издания их в центре.

Резолюция по докладу члена Св. Синода митрополита Серафима

«О Вселенском и поместном соборе».

1. Составить комиссию для подготовки к Поместному и Вселенскому Собору в составе следующих лиц: Митрополита ЕВДОКИМА, Митрополита ВЕНИАМИНА, Митрополита АЛЕКСАНДРА, Митрополита СЕРАФИМА, проф. прот. Н. Г. ПОПОВА, проф. Б. В. ТИТЛИНОВА, проф. С. М. ЗАРИНА, проф. В. З. БЕЛОЛИКОВА и предоставить ей право приглашать нужных лиц.

2. Обратиться с приветствием к Восточным Патриархам и поручить Св. Синоду сделать подарок Вселенскому Патриарху Константину VI.

3. Признать необходимость представительства Российской Православной Церкви на Вселенском Соборе.

4. До Вселенского Собора созвать Поместный Собор Российской Православной Церкви, которому избрать представителей на Вселенский Собор и избрать Св. Синод.

Резолюция по докладу члена Св. Синода епископа Георгия

«О деятельности Учебного Комитета».

1. Благодарить Учебный Комитет за труды по просвещению верующих Св. Православной Церкви.

2. Пригласить епархии к оказанию регулярной помощи Московской Богословской Академии и Ленинградскому Богословскому Институту.

3. Поручить Учебному Комитету разработку вопросов о составлении и издании новых учебников Закона Божия.

4. Поручить Учебному Комитету разработать вопрос о подготовке будущих пастырей на местах, из самой верующей

массы, путем организации подвижных пастырских школ, кратковременных курсов и т. п.

5. Приветствуя братскую помощь Гребневской общины М. Б. Академии, Соединение обращается с призывом последовать этой общине и другим обновленческим общинам.

6. Собрание благодарит также наших американских друзей.

Резолюция по докладу проф. В. З. Белоликова

«О сектантстве и мерах борьбы с ним».

Расширенный Пленум и Соединение активных работников обновленчества постановили:

Констатируя факт увеличения и усиления сектантства, считая своею святою обязанностью борьбу с сектантством чрез выявление его подлинной физиономии во всех отношениях, сознавая, что только Православная Церковь, возглавляемая Священным Синодом, находящимся в каноническом и братски-живом общении с Вселенскою Церковью, может выступить на защиту Православия против искажений правды Христовой во вселенском масштабе:

1. Признать самую радикальную меру борьбы с сектантством самое широкое осуществление принципов обновленческого движения.

2. Одобрить намеченный Священным Синодом план борьбы с сектантством.

3. Ходатайствовать пред Вселенскою Патриархией о включении вопросов о сектантстве в повестку предстоящего Вселенского Собора и изготавить соответствующие доклады.

4. Обратиться к Вселенскому Патриарху с ходатайством высказать свое авторитетное суждение о русских сектантах

и в частности т. н. липковщине, приложив к ходатайству соответствующие научные доклады.

5. Внести в план преподавания в Московской Богословской Академии и Ленинградского Богословского Института доктрину сектоведения.

6. Просить редакции существующих богословских изданий помещать статьи по вопросам миссии, обратив особенное внимание на вопросы принципиального характера.

7. Предложить Епархиальным Управлениям установить и поддерживать самую тесную связь с Миссионерским Советом при Св. Синоде по вопросам миссии.

8. Предложить Епархиальным Управлениям организовать народные массы для идейной борьбы с сектантством.

9. Произвести учет деятелей миссии на местах и организовать при Св. Синоде краткосрочные курсы для инструкторов их в борьбе с сектантством.

10. Обратиться ко всем русским сектантам с особым воззванием, указав им на предстоящий Вселенский Собор, призвать их на него для выслушания голоса Вселенской Церкви о путях ко спасению.

Телеграмма Вселенскому Патриарху.

ЕГО ВСЕСВЯТЕЙШЕСТВУ,

Архиепископу Константинопольскому и Нового Рима, Вселенскому Патриарху Константину VI.

Всероссийское Соединение епископов, клириков и мирян Православной Российской Церкви с чувствами глубокой любви и сыновней преданности обращается к Святейшим Восточным Православным Патриархам.

Русская Церковь переживает тягостное время раздора и внутренней междоусобицы, вызванной неподчинением суду Собора 1923 года бывшего патриарха Тихона, который не

подчинился и указанию Всесвятейшего Вселенского Патриарха.

С трудом, в истинном подвиге, приходится верным чадам Церкви Православной собирать растраченное церковным послушником и раздорником. В этом подвиге нашем на благо и за единство Святой Православной Российской Церкви для нас всех величайшим утешением является сознание связи с Матерью—Восточной Церковью, от которой Россия и веру свою восприняла.

Мы твердо стоим на почве догматов Святого Православия и на св. канонах и готовы все отдать за верность Св. Право-

славию. Мы выражаем полную свою готовность следовать указаниям Святейших Восточных Православных Патриархов, чтобы соблюдать св. единство веры и жизни единой Вселенской Православной Церкви.

Мы уверены, что молитвенное предстательство за нас Святейших Православных Патриархов, а равно их мудрость и отеческая попечительность прольют священную тишину и

мир и в раздираемую бывшим патриархом Тихоном святую Русскую Православную Церковь, к спасению которой от раздора и нестроений настоящее Всероссийское Совецание принимает все свои меры.

С подлинным верно:

Секретарь Св. Синода проф. В. Белоликов.

Состав Священного Синода Российской Православной церкви в 1925 году.

Почетные члены:

- 1) Представитель Вселенского Патриарха в России Архимандрит Василий.
- 2) Представитель Александрийского Патриарха в России Архимандрит Павел.

Члены Президиума Священного Синода: (постоянные)

- 1) Митрополит Вениамин Ленинградский.
- 2) Митрополит Евдоким.
- 3) Митрополит Серафим Северо-Кавказский и Московский.
- 4) Митрополит Александр (Введенский).
- 5) Архиепископ Георгий (Дмитровский).
- 6) Протопресвитер Павел Красотин.
- 7) Профессор В. З. Белоликов.

(по очереди)

Митрополит Алексей Казанский.

Митрополит Иннокентий Киевский.

(одно место по Ленинграду).

Протоиерей П. В. Раевский.

Протоиерей А. И. Боярский.

Протоиерей Н. Ф. Платонов.

Профессор Б. В. Титлинов.

Члены Пленума Священного Синода:

- 1) Митрополит Вениамин Ленинградский.
- 2) Митрополит Евдоким.
- 3) Митрополит Серафим Московский.
- 4) Митрополит Александр (Введенский).
- 5) Митрополит Петр Сибирский.
- 6) Митрополит Алексей Казанский.
- 7) Митрополит Иннокентий Киевский.

- 8) Митрополит Имен Харьковский.
- 9) Митрополит Тихон Воронежский.
- 10) Митрополит Владимир Белорусский.
- 11) Митрополит Николай Ташкентский.
- 12) Архиепископ Сергей Томский.
- 13) Архиепископ Алексей Смоленский.
- 14) Архиепископ Петр (Сергеев).
- 15) Архиепископ Георгий (Дмитровский).
- 16) Архиепископ Виталий Тульский.
- 17) Архиепископ Михаил Рязанский.
- 18) Архиепископ Константин Курский.
- 19) Архиепископ Корнилий Ярославский.
- 20) Архиепископ Герасим Саратовский.
- 21) Архиепископ Иосиф Полтавский.
- 22) Протопресвитер П. Н. Красотин.
- 23) Протоиерей А. И. Боярский.
- 24) Протоиерей П. В. Раевский.
- 25) Протоиерей Д. А. Адамов.
- 26) Протоиерей С. Канарский.
- 27) Прот. проф. Н. Г. Попов.
- 28) Протоиерей Н. Ф. Платонов.
- 29) Протоиерей Т. Д. Попов.
- 30) Профессор В. З. Белоликов.
- 31) Профессор А. И. Покровский.
- 32) Профессор Б. В. Титлинов.
- 33) Профессор С. М. Зарин.
- 34) Архидиакон С. А. Добров.

Кандидаты к ним:

- 1) Архиепископ Георгий Красноярский.
- 2) Протоиерей А. П. Эндека.
- 3) Протоиерей П. В. Богословский.
- 4) Профессор А. И. Вознесенский.

Циркуляры Священного Синода.

Принципиальные директивы.

Циркуляр епархиальным управлениям от 25 февраля 1925 г. за № 928.

Всероссийское Совецание Пленума Священного Синода и активных работников церковных установило с несомненностью, что мы переживаем подъем обновленческого дела во всероссийском масштабе.

Тихоновщина с несомненностью переживает внутренний и внешний кризис. Этот кризис сказывается в разрыве с Восточной Церковью, а равным образом и во внутреннем распаде, характеризующемся борьбой лиц и течений в недрах тихоновщины. Одновременно мы наблюдаем подъем нашего движения, выражающийся с одной стороны в количественном приросте церквей, признающих Св. Синод, а с другой — в непрерывном единстве со Вселенской Церковью.

Вглядываясь в будущее, можно с несомненностью предсказать дальнейшее усиление нашего роста и дальнейшее разложение тихоновщины.

Начавшийся подъем нашего движения, приобретающего по местам стихийный характер, вызван несомненно правильной линией, взятой Священным Синодом, в осуществлении намеченных целей.

В широком церковно-общественном сознании наше движение называют «обновленческим». Этот термин, однако, вызывает ряд существенных недоразумений. В самом деле, представители тихоновщины говорят, что мы строим новую церковь, с которой необходимо бороться потому, что эта цер-

ковь сменяет старую Церковь, в которой спасались наши отцы и деды.

Поэтому многие ревнующие о спасении души боятся, что, уходя от тихоновцев, они теряют надежду на спасение души. В старом наверное можно спастись, потому что спасались многие, — здесь же создается новое, никто не знает, к чему эта новизна приведет.

Противоположение новой церкви — старой, и есть величайшая ошибка. Надо раз навсегда утвердиться на мысли, что нет ни старой, ни новой Церкви, ни живой, ни мертвой — но есть единая Христова Церковь. Эта Церковь, основанная Господом, утвержденная Его Кровью, подвигами апостолов, спасались многие, — здесь же создается новое, никто не знает, реющая, неизменная, единая.

Но в Церкви Христовой, как в живом организме, подчас бывают больные члены. Жизнь Церковная в своем историческом развитии то течет правильно и благословенно, то омрачается нестроениями, вызванными грехом отдельных ее членов.

И эти грехи исторических деятелей Церкви затемняют в общественном сознании подлинную сущность церкви.

Так, между прочим, сложилась и история Русской Церковной жизни. В течении веков Церковь была в преступном союзе с государством.

После революции, она получила возможность беспрепятственно выявить подлинную свою чисто религиозную сущность. Однако, известная часть членов Русской Православной Церкви не пожелала воспользоваться открывающимися возможностями и все свои надежды возложила не на Христа Спасителя, а на возможность возвращения прежнего государственного строя. Эти настроения преступно затемнили в церковно-общественном сознании истинную сущность церкви.

Эти настроения чужды подлинно-церковным настроениям, а носители таких настроений мешают выявить подлинный лик Церкви. Нет двух Церквей. Есть единая Церковь, и есть искажение этой единой Христовой Церкви.

Русская тихоновщина и является искажением подлинной церкви Христовой. В самом деле, формально признавая догматы и каноны Православия, Тихон все свое упование направляет на ряд политических контр-революционных моментов. Эти тихоновцы превращают себя в определенную политическую группировку, преследующую чисто земные временные цели. Единственной же целью Церкви является забота о спасении человеческих душ через подлинное следование Христу Спасителю и Его заветам. Цели Церкви надземные; идеалы тихоновщины, формально религиозные, фактически — человеческие, политические. А так как Церковь есть религиозное установление, то тихоновщина и не есть Церковь. Когда этот процесс превращения Церкви в политическую организацию стал слишком очевиден и слишком резок, благодать Божия пробудила в целом ряде церковных работников сознание необходимости бороться с этим искажением Церковной правды.

Уже в 1922 году целый ряд рядовых и ответственных церковных работников выступает с определенным протестом против деятельности бывшего патриарха Тихона, как деятельности нецерковной. Отдельные лица постепенно объединяются в церковные группировки — Живая Церковь, Союз Древле-Апостольской Церкви и некоторые другие. Это были инициативные группы, поставившие своей задачей борьбу за Церковь против формального ее главы, а фактического ее предателя.

Эти группировки, приведшие к созыву Всероссийского Православного Собора 1923 года, всегда имели в своем сознании одну господствующую руководящую мысль: оборонить, защитить православие от всяких его искажений, от чьего бы имени они ни исходили. Это не была попытка создать новую Церковь вместо старой. Это была борьба за единую вечную Христову Церковь и ее Евангельские идеалы. В сознании того, что это — борьба за православие, деятели этих группировок и находили свою нравственную силу, а Собор 1923 года именно поэтому благословил все эти начинания. Итак, по самому замыслу, обновленческое движение было православным движением.

После Собора 1923 года Церковные группировки прекращают свое существование, потому что та цель, которую они себе поставили, была достигнута. Церковное сознание осудило Тихона и его сторонников, как искажителей единой, вечной Христовой истины. Все время после Собора 1923 года можно характеризовать, как борьбу за внедрение в жизнь подлинных основ православия взамен до очевидности не церковных искажений ее, свивших себе гнездо в так называемой тихоновщине. В результате длительной борьбы с тихоновщиной, этим новым искажением вечной Христовой Правды, мы наблюдаем, как это уже отметили, непрерывный рост обновленческих сил.

Только что окончившееся Всероссийское Собрание, анализируя причины подема обновленчества, разбирало этот вопрос с различных точек зрения. Ученые обновленческие работники: Митрополит Александр, проф. Титлинов, протоиерей Попов, разбирая сущность так называемого обновлен-

чества, выявили, что его сущностью является верность православию. В своем докладе Высокопреосвященный Митрополит Александр дал формулу: «обновленчество есть православие». И Всероссийское Собрание единогласно согласилось с этой мыслью. В самом деле, подлинное православие, т.е. подлинное следование за Христом по Им указанным заветам, есть сила непреодолимая; и в том, что обновленцы своим идеалом поставили не создание какой-либо, хотя бы самой благородной и возвышенной секты, но верность именно православию, и заключается разгадка нашей внутренней религиозной силы и постепенной победой ее во вне.

«Обновленчество есть Православие». Ни тихоновщина, с ее неопределенными контр-революционными вождельствами, ни антониновщина, этот новомодный сектантствующий уклон, не есть Православие. Еще не познанное во всех своих глубинах, православие обязывает нас, православных, к напряженнейшей работе по выявлению всех его возможностей. Одна есть истина, которой воодушевлялись все подлинные идейные церковные работники наших дней и светлой памяти наши предшественники.

Всероссийское Собрание поставило пред сознанием Русской Церковности целый ряд вопросов глубочайшей важности. Оно наметило защиту веры против развивающегося неверия, оно поставило вопрос о духовном просвещении подрастающего поколения, целый ряд других не менее важных задач.

Но все они должны быть решаемы именно в духе Православия.

Православие должно быть символом и девизом идейных работников Святой Церкви.

Обновленчество не есть группа, не есть партия, не есть новая Церковь. Обновленчество есть Православие, а обновленцы суть православные. Это простая, но безмерно глубокая истина должна быть основой нашей церковной работы.

Только на этом основании мы правильно сможем повести церковное дело.

Епархиальным Управлениям необходимо всемерно внедрять в сознание как активных его работников, так и верующих масс, находящихся под духовным их водительством, что происходящая в церкви борьба есть борьба за православие против господствующего во многих местах тихоновского искажения. Необходимо разъяснить на местах, что тихоновщина есть разрыв с православием, что она есть сектантствующий раскол, ничего не имеющий общего с православием, кроме имени. Св. Синод, по указаниям общецерковного сознания, стоит на страже Православия. Православие не есть священный застой. Царская церковь, равно как и тихоновская церковь есть измена православию. Православие, согласно пониманию его святыми апостолами, отцами церкви и вселенским соборным сознанием, есть не священный покой, а благодатный рост в Господе. Поэтому, напоминая всем верующим о том, что обновленчество есть православие, что самое слово обновленчество с успехом может быть заменено этим дорогим наименованием «Православие», — «Священный Синод не зовет к возврату былого церковного «старого», но благословляет на дальнейшую активную творческую работу всех верующих и верных чад Церкви.

Множество задач стоит перед обще-церковным сознанием. Работы неизмеримо много. Многие трудности ждут еще нас. Но сознание внутренней нашей правоты, уверенность в том, что мы совершаем не личное свое дело, но продолжаем, в меру слабых духовных сил, дело отцов церкви и Вселенских Соборов, т.е. дело Единого Святого Православия, поможет нам преодолеть все преграды и привести все подлинно-церковные силы к тому священному единству, о котором молился Спаситель в своей первосвященнической молитве Отцу и о котором стосковались все живые церковные души.

О „Вестнике Священного Синода“.

Уполномоченным Священного Синода по епархиям и уездам.

Образованный при Св. Синоде издательский Отдел приступает к изданию «Вестника Священного Синода», к печатанию которого до сих пор встречались разные препятствия.

«Вестник Св. Синода» будет выходить раз в месяц в размере до шести типографских листов и будет заключать в себе

следующие отделы: 1) официальные сообщения, распоряжения и указы Св. Синода; перемещения и назначения; 2) Сведения о текущей церковной жизни. 3) Статьи по вопросам и церковно-общественным и научно-богословским. 4) Церковная жизнь за границей. 5) Известия и заметки. 6) Библиогра-

фический отдел. 7) Почтовый ящик (ответы на запросы подписчиков).

Редактором «Вестника» назначен профессор Б. В. Титлинов. К участию в журнале привлекаются лучшие церковно-научные и литературные силы.

Подписка на «Вестник Св. Синода» принимается в Москве: Москва, Самотека, Троицкое подворье, Синод. Редакция «Вестника Св. Синода». По этому адресу направлять требования и деньги.

Подписная цена на «Вестник Св. Синода» на 10 месяцев (10 №№) (март—декабрь 1925 года) 6 рублей. Цена отдельного номера 75 копеек. Наложным платежом журнал может быть выслан на сумму не менее 3 рублей. Журнал высылается только по присылке денег или наложенным платежом.

Лица, приславшие раньше деньги в Священный Синод на журнал «Христианин» и «Вестник Св. Синода», будут удовлетворены высылкой «Вестника Св. Синода» по расчету стоимости.

В виду того, что «Вестник Св. Синода» является необходимым руководящим органом для церковных организаций и духовенства, Священный Синод предлагает всем своим Уполномоченным немедленно довести до сведения духовенства настоящее оповещение и озаботиться тем, чтобы все настоятели приходов выписали «Вестник» немедленно. При этом Уполномоченным предлагается самим лично через благочинных собрать требования на «Вестник» и препроводить их в редакцию журнала.

О налоговом обложении.

Циркуляр епархиальным управлениям от 31 января 1925 г за № 436.

Священный Синод Российской Православной церкви, препровождая при сем циркуляр НКФ от 2 января 1925 года за № 472, настоящим предлагает Епархиальному Управлению:

1) В срочном порядке ознакомить подведомственное ему духовенство и Приходские Советы с содержанием настоящего циркуляра.

2) Раз'яснить духовенству и верующим, что настоящий циркуляр является результатом петиции Великого Предсоборного Совещания 1924 года к Правительству СССР и неоднократных ходатайств Св. Синода об облегчении материального положения духовенства.

3) Предложить духовенству и Приходским Советам немедленно завести у себя братские книги для записи братских доходов, вторым—книги для записи прихода и расхода церковных сумм по форме, которую должен установить ЕУ, «при чем при выработке вторых книг необходимо войти в соглашение с Административными Отделами» (церковными столами в них) «ГИК».

Книги должны быть прошнурованы, скреплены печатями ЕУ или Викариальных Управлений, или в крайнем случае печатью благочинного, и должны вестись тщательным и добросовестным образом. Благочинным вменяется в обязанность проверка этих книг не менее двух раз в год. Важность книг определяется тем, что они являются одним из главных, а в некоторых случаях единственными источниками доказательства размера доходности, подлежащей налоговому обложению.

4) В случае неправильного обложения духовенства или церковей налогами жалобы (употребляя на бумаге именно термин жалоба) направляются в УФО, или к ГФО с приложением справки вышеупомянутых книг, подписанных Председателем и Секретарем Приходского Совета, при чем подписи должны быть заверены Сельсоветом (в селах) или Административными Отделами УИК или ГИК.

Жалобы гербовым сбором не оплачиваются. В случае неудовлетворения на местах можно обращаться в центр через Св. Синод, прилагая в письменной форме решение УФО.

Копия циркуляра Наркомфина автономных республик уполномоченным и зав. Губфин'отделами РСФСР.

от 2 января 1925 г. за № 472.

Об обложении налогами и сборами церковных зданий и служителей культа.

В последнее время в Наркомфин и во ВЦИК участились поступления жалоб как отдельных служителей культа, так и от церковных общин и организаций, на неправильность и непосильность обложения служителей культа и церковных зданий местными и государственными налогами.

1. По подоходному налогу имели место случаи как преувеличения в определении облагаемого дохода, делающие непосильным обложение, так и обложение подоходным налогом по источникам дохода, уже обложенным единым сельхозналогом и волостным сбором.

2. При обложении церковных зданий местными налогами со строений не исполняются директивы НКФ о производстве оценки таких зданий по данным Госстраха, и здания расцениваются по довоенным оценкам и общегубернским нормам для жилых зданий с применением сверх того еще поправочных коэффициентов.

3. Ставки дополнительной ренты с земель, находящихся в пользовании служителей культа, в некоторых губерниях значительно, по сравнению с другими ставками, увеличены—иногда до 100%.

Усматривая из таких жалоб, что в отдельных случаях обложения служителей культов и религиозных организаций, в особенности в национальных окраинах, являются действительно неправильными, НКФ обращает внимание финорганов, что дальнейшее наличие отдельных дефектов в налоговой практике, выражающихся в преувеличении доходности служителей культа, равно как в оценке церковных зданий, является недопустимым.

Поэтому, в целях установления правильного и единообразного порядка обложения, принять к исполнению и руководству следующие указания:

1) По подоходному налогу при установлении дохода стремиться как можно ближе подойти к действительным суммам их, используя все доступные налоговым органам средства. В частности, должно иметь место использование данных книг о так называемых «братских доходах». При рассмотрении деклараций служителей культов в Участковых Комиссиях рекомендуется приглашение, в качестве сведущих лиц, представителей групп верующих.

С особым вниманием и осторожностью следует подходить к обложению служителей культов в сельских местностях, особенно в беднейших приходах, учитывая наиболее точно их доходы, во избежание переобложения.

При наличии у плательщика других источников дохода, при обложении подоходным налогом ни в коем случае не принимать к учету доход от тех источников, которые обложению этим налогом не подлежат, как например, доход от занятия сельско-хозяйственными промыслами, облагаемыми единым сельхозналогом.

Вообще, обложение служителей культа прогрессивными ставками налога следует по возможности обосновывать фактическими данными.

Во избежание взыскания пени за несвоевременную уплату подоходного налога, а также за несвоевременную выборку облигаций, каковая выборка связана с уплатой подоходного налога, принять меры к возможно заблаговременной рассылке объявлений по подоходному налогу, с указанием числа подлежащих выборке облигаций.

2) При обложении церковных зданий в городских поселениях, при оценке зданий и взимания с них местного налога, необходимо строго руководствоваться циркуляром НКФ СССР за № 102 от 3-го сентября 23 года (В. Ф. № 36, 37—23 года).

Следует иметь в виду, что при огромной материальной стоимости таких зданий, не соответствующей возможностям их доходного использования, оценка их по действительной стоимости повела бы во многих случаях к слишком высоким окладам налога, непосильным для небольших групп верующих, коим предоставлены в пользование отдельные храмы. Указанный циркуляр имеет целью дать в этом отношении известную льготу—класть в основу оценки таких зданий пониженную страховую оценку.

Помимо того, при обложении этим налогом необходимо принимать во внимание непосильность налога для отдельных групп верующих и в нужных случаях проводить те или иные льготы, снижая % обложения и дифференцируя ставки в зависимости от доходности храмов в соответствии с упомянутым циркуляром НКФ № 102, а также согласно изданного, в дополнение к нему, циркуляра НКФ по Госналогу от 3-го декабря с. г. за № 193, устанавливающего максимальный размер ставки не свыше одной восьмой процента стоимости здания в год.

3) При тарификации дополнительной ренты с земельных участков, обслуживающих здания, предназначенные для богослужебных целей, а также с участков, находящихся в пользовании служителей религиозных культов, не следует к обычным ставкам этой ренты делать какие либо особые надбавки, определять их стоимость соответственно доходности

храма, в зависимости от классового состава того общества верующих, которому храм этот предоставлен в пользование. Иметь в виду, что при обширности, в большинстве случаев, участков, обслуживающих упомянутые здания, уплата ренты с них по повышенным ставкам является для обществ верующих непосильной.

4) При рассмотрении жалоб этой категории плательщиков необходимо строго придерживаться вышеизложенных указаний, с необходимой осторожностью применять меры принудительного взыскания и готовить возможные льготы по уплате налогов.

5) Принять решительные меры к предотвращению или к своевременному пресечению произвольного обложения зданий культа и служителей культа всякого рода самочинными налогами и сборами, привлекая виновных в этом к ответственности согласно циркуляра НКФ и НКЮ от 8 октября (30 августа за № 173) 1939 (пер. № 84).

Подлинное подписали:

За Народного Комиссара Финансов РСФСР (Полюдов).

Начальник Налогового Управления

НКФ РСФСР (Федоров).

С подлинным верно:

Секретарь Св. Синода: В. Белоликов.

О священнослужителях.

Циркуляр

Епархиальным Управлениям от 18 февраля 1925 г. за № 80.

Священный Синод Российской Православной церкви, на основании своего постановления от 17 февраля 1925 года, настоящим предлагает Епархиальным Управлениям к неуклонному исполнению следующее.

1. В виду неоднократных запросов с мест, как поступать с священнослужителями, отрекшимися от христианства—Св. Синодом постановлено: священнослужителей, отрекающихся от христианства, запрещать в священнослужении и отлучать от общения церковного с предупреждением, что в случае желаний их возвратиться в лоно Православной Церкви, они могут быть приняты по тщательном испытании и публичном покаянии.

2. Епископским Совещанием Расширенного Пленума Св. Синода 30 января 1925 года принято предложение архи-

епископа Михаила Рязанского о том, что для поднятия церковной дисциплины полезно требовать от кандидата на епископство письменного поручительства 2 правящих епископов. Св. Синодом постановлено объявить об этом Епархиальным Управлениям для исполнения.

3. Св. Синод разъясняет, что при всякого рода ходатайствах в центральные гражданские учреждения чрез Св. Синод по делам, касающимся религиозных общин (о церквях, налогах с них и т. п.) необходимо прилагать подлинные ходатайства религиозных общин, при чем подписи представителей общин должны быть заверены соответствующими органами гражданской власти (сельсоветами в селах, церковными столами в УИК и ГИК в городах).

Назначения и перемещения.

1) Постановлением Св. Синода от 13 января Рыльская епархия, как самостоятельная, закрыта и присоединена к правам викариатства к Курской губернии. Епископ Рыльский Константин перемещен на Нижне-Чирскую кафедру Царьцынской епархии.

2) Временно управляющим Свердловской епархией назначен Архиепископ Серапион (б. Бийский) 31 декабря 1924 г.

3) Архиепископ Ставропольский Назарий перемещен правящим по Ростовской и/Д. епархии и назначен заместителем Митрополита Северо-Кавказской Области (16 января).

4) На Псковскую кафедру Св. Синодом перемещен епископ Гомельский Симеон. Гомельская кафедра передана в ведение Белорусского Св. Синода. (21 января).

5) Епископ Христофор Калужский освобожден по болезни от управления Калужской епархией, и на его место перемещен Архиепископ Каинско-Каргатской епархии Геронтий (от 23 января).

6) Архиепископ Николай (Гиляровский) Павлоградский, викарий Екатеринославской епархии, перемещен, согласно желаний верующих Боровичского викариатства Новгородской епархии.—Архиепископом Боровичским, викарием Новгородской епархии (от 4 февраля), с поручением ему временного управления Новгородской епархией (10 февраля).

7) Редактором «Вестника Св. Синода» назначен профессор Б. В. Титлинов (от 6 февраля).

8) Временно управляющий Нижегородской епархией епископ Александр, епископ Ковровский, утвержден правящим Нижегородской епархией с освобождением от управления Ковровским викариатством (от 6 февраля).

9) Пятигорская епархия, как самостоятельная, закрыта и присоединена к Владикавказской епархии (от 10 февраля).

10) Епископ Уржумский Филарет, викарий Вятской епархии, назначен епископом Лукояновским, викарием Нижегородской епархии (от 13 февраля).

11) На Актюбинскую кафедру викария Оренбургской епархии назначен кафедральный протоиерей г. Оренбурга Андроник (Левитский) (от 13 февраля).

12) Архиепископ Самарский Александр перемещен правящим Вятской епархии. На Самарскую кафедру назначен Архиепископ Петр (Сергеев) (от 20 февраля).

13) За переходом епископа Сергия Костромского правящим Костромской епархией назначен Архиепископ Велико-Устюжский Николай. Правящим Велико-Устюжской епархией назначен епископ Михаил (Постников), викарий Саратовской епархии (от 20 февраля).

14) Архиепископ Саратовский Герасим перемещен на Владимирскую кафедру (24 февраля).

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Современный церковный момент.

Со времени революции 1917 года русская православная церковь переживает болезненный кризис; и мы живем все еще в эту критическую эпоху, в атмосфере трудной ломки старых церковных традиций и старого церковного быта, но ломки неизбежной и плодотворной.

Многие думают, что нынешний церковный кризис возник лишь в связи с церковным переворотом 1922 года, удалением патриарха Тихона и созданием нового церковного Управления. Но это — явная ошибка. Церковный кризис начался даже не с момента октябрьской революции, а с революцией февральской, с падением самодержавия, на которое привыкла опираться церковная иерархия старого режима. Как только пал царизм, церковь оказалась на распутье. Ей нужно было становиться на новый путь, перестраивать формы своей организации, приспособленные к бюрократически-самодержавным порядкам, менять курс в сторону церковной общественности, искать опоры в церковном народе. И уже тогда сразу же обнаружилось, что церковная перестройка не обойдется без борьбы. В церковной среде определенно обозначились такие же классовые и групповые расслоения, какие выявились и в гражданском обществе. С одной стороны церковные верхи, утратившие сановное и бесконтрольное положение царских церковных чиновников, никак не могли примириться с такой переменой и откровенно вздыхали о старом режиме. Они судорожно уцепились за свою власть и старались опереть ее теперь на каноническую опору, о которой совсем не думали, когда их прибежищем была царская десница. С другой стороны — рядовое духовенство, в массе своей проникнутое мелко-буржуазной идеологией, давно тяготившееся монашеско-епископским деспотизмом, но в то же время мало сознательное, не имеющее смелости довести до логического конца церковно-освободительные лозунги и нерешительно колеблющееся между старыми традициями и лозунгами церковного освобождения, особенно в виду неуверенности, кто окончательно победит. Затем — передовая церковная интеллигенция, давно настроенная радикально и теперь увидевшая возможность осуществить свои реформаторские идеи об очищении церкви от исторических грехов и исцелении ее от «паралича», поразившего ее со времени союза с государством. Наконец, церковный народ, в массе невежественный и суеверный, легко доступный всякой церковно-реакционной пропаганде, готовый стоять за «старое» только потому, почему в свое время и протопоп Аввакум готов был положить живот свой за двуперстие. В революционной обстановке такая церковная ситуация неизбежно сулила борьбу и, конечно, напрасно было думать, что церковь переживет такой момент без потрясений.

Борьба началась с той самой минуты, когда последний царский обер-прокурор Синода, одевшись в юбку, бежал с своего поста, а его место занял представитель революционной власти, еще не порвавшей старых уз церкви с государством. Передовая церковная интеллигенция, взявшая в свои руки руководство церковными делами после февральской революции, сразу же натолкнулась на закулисную церковную реакцию, укрывшуюся за ширмами «канонов» и приготовившуюся не сдавать даром своих позиций. Вожди церковно-освободительного движения, со своим интеллигентским идеализмом, выдвинули идею Собора, как единственно полномочного вершителя церковных судеб. Но они не рассчитали сил и средств, которыми располагала еще старая иерархия, и не учли особенности церковной обстановки. Соборное движение, попав в руки дельцов старого закала, дало возможность лишь организовать консервативным церковным элементам и превратить «учредительное собрание» церкви в орудие старорежимных политиканов, модернизовавшихся в церковных конституционалистов только для того, чтоб легче парализовать как церковное освободительство, так и революцию в стране. Московский Собор 1917—1918 года, созданный «церковными обновлениями» (хотя их тогда так не называли), задушил это самое обновление и, как памятник победы над «церковной революцией», водрузил патриаршество в русской церкви, освободительные течения которой еще с 1905 года определенно утверждали, что патриаршество — это символ церковного деспотизма и политического монархизма.

Таков был финал первого акта церковной борьбы, разгравшейся в эпоху общего кризиса русской жизни. Но кризис в церкви, конечно, этим не был устранен. Напротив, он только затянулся.

Охранители старых церковных устоев, и особенно союза церкви с государством, составившие господствующее большинство на Соборе 1917—1918 года, жили иллюзией, что широкий размах революции вообще будет ликвидирован и что церкви менять своих основных позиций не придется. Но жизнь жестоко разбила эти иллюзии: последовал октябрьский переворот, был издан декрет об отделении церкви от государства, началась полная социальная перестройка и все старые идеологии затрещали по всем швам. Церковный корабль, оснащенный лишь немного подправленными монархическо-буржуазными традициями, под управлением святейшего патриарха, олицетворявшего погибший монархизм, едва лишь вышел в море обновленной русской жизни, как попал в шквал. Снаряжение оказалось никуда негодным, а рулевой не имел понятия о фарватере; между тем вздымались высокие волны народного гнева против всех исторических преступлений, государственных, классовых и церковных, началась усиленная анти-религиозная пропаганда, и церковный корабль било и бросало из стороны в сторону. Старые мачты и паруса падали в бездну революционного моря, и шапка патриарха не только не помогала делу, а лишь ухудшала церковное положение. Созданное реакцией патриаршество и должно было служить реакции, безнадежно обреченной на поражение, сосредоточившей на себе народное негодование. Патриаршее управление повело церковь в разрез революционной волне и с каждым шагом все больше роняло церковный авторитет в верующих массах и делало одну тактическую ошибку за другой. Но быть может даже главный церковный грех его состоял не в том, что оно делало то, чего нельзя было делать, а в том, что оно не делало того, что делать было необходимо. Нужно было очищать церковь от пережитков ее старой службы самодержавию, воскрешать христианскую идею из гроба исторической церковности, сооруженного не во имя Христа, а во имя кесаря, спаивать церковную общественность, связываться с массами, реорганизовать церковный аппарат. Но могло ли вести в этом направлении работу патриаршество, взоры которого устремлялись назад, а не вперед? Оно могло лишь ей препятствовать, что оно и делало, как самым фактом своего существования, так и своей деятельностью в духе директив реакционного Собора 1917—1918 года. В результате церковный кризис только углублялся. Роста церковная дезорганизация все больше падало церковное влияние в народе, церковь разлагалась, и золотая шапка патриарха не могла прикрыть этого процесса быстрого распада.

В такой обстановке начался второй акт борьбы за церковное освобождение, открывшейся майским переворотом 1922 года. Инициатива движения вышла из среды оставшихся рядов той же церковной интеллигенции, которая в свое время подняла стяг «свободной церкви» и ратовала за соборность в противовес епископско-монашескому самодержавию. Ряды эти сильно поредели за годы революции: многих отбросило вправо, многие совсем вышли из строя. Но зато жизнь научила церковных освободителей, что их старые методы были неправильны и что с реакцией в церкви нельзя бороться успешно без аппарата власти, дающего возможность подготовить почву для нового церковного строительства. Такой аппарат и был создан после устранения п. Тихона, и он начал снова ту работу, которая была прервана неожиданным исходом первого «учредительного собрания», в церкви — Московского Собора 1918 года.

Однако, вести церковное освобождение (или обновление) на развалинах патриаршества оказалось еще труднее, чем то было на развалинах царского синода. Патриаршество за четыре года сделало свое дело: оно укрепило в рядах духовенства и в церковных массах всю монархическую и церковно-консервативную идеологию и углубило расхождение между церковью и революционной общественностью и государственностью, создав для церкви явно одиозное положение. Искупать чужие грехи — всегда не легкая задача, а при разру-

шении церковно-организационного аппарата — особенно. Тем более, что освобожденческие церковные элементы сами еще недостаточно сорганизовались и не вполне уяснили себе те пути, по которым пойдет обновительная церковная работа. В церковных кругах, взявших руководство церковным делом после патриаршего управления, наметились свои разные течения, различно понимавшие задачи церковного движения. Одни устремлялись в сторону классовых интересов духовенства и главный смысл движения видели в освобождении белого кляра от гнета монашеского епископата и в передаче ему главенствующей роли в церкви («Живая церковь»). Другие интересовались главным образом реформаторскими возможностями в области церковности, не считаясь с бытовыми условиями и окружающей церковной обстановкой («Союз Церковного Возрождения», «Союз Древле-Апостольских общин»). Каждая сторона впадала в крайности и обе не сознавали, что в момент кризиса прежде всего необходимо сплочение освобожденческих рядов и создание прочной организации для овладения церковным обществом. Сил же, между тем, было не так много, потому что значительная часть церковной интеллигенции, не имея смелости сжечь корабли и разорвать совсем с старыми традициями, стала в оппозицию тем самым освободительным лозунгам, которые она когда-то поддерживала в первом периоде церковного кризиса. Здесь произошло то же, что среди революционной интеллигенции вообще, где старые либералы и даже революционеры часто не учли знамений времени и отошли в сторону от новой созидательной работы в тот момент, когда их участие могло бы быть особенно плодотворным для народного дела. И потребовалось немало времени, чтобы церковно-обновленческие ряды, наконец, сплотились под общим стягом и нащупали твердую дорогу. Это произошло тогда, когда обновленческие церковные группы создали общий фронт «церковного обновления». Но при этом неизбежно некоторые слишком прямолинейные элементы оторвались от создавшегося церковного центра и на периферии обновленчества образовали отдельные самостоятельные единицы, правда, очень незначительные («Живая церковь» под главенством Красницкого, Антониновская община, общины «Содаца»).

Создание обновленческого центра положило начало третьему периоду церковного кризиса, в котором он и сейчас находится. Началась церковно-созидательная, организованная работа, строительство «свободной церкви» в широком масштабе. Но тут возникли новые затруднения. Удаленный и низложенный патриарх вновь появился на сцене и, так как освободительное церковное движение еще не успело захватить массы, началась реставрация патриаршества на еще не твердых позициях обновления. Духовенство и церковный народ, не успевшие освободиться от гипноза обаяния патриаршего авторитета, опять устремились к старому вождю, хотя могли бы убедиться, что он посадил церковный корабль на риф. Началось отслоение церковных элементов по тем линиям, которые наметила как классовая, так и идейная структура церковного общества. Все, что тяготело к старому строю, или во всяком случае не сочувствовало новому, потянулось в тихоновский лагерь. Все, что тяготело действительно к церковному обновлению и освобождению, собралось в обновленческих рядах. Такое расслоение, конечно, было вполне естественно и само по себе не представляло опасности, потому что оно только выявило церковные отношения и указало, насколько сильны старые традиции, хотя бы безусловно осужденные жизнью. Но опасность была в том, что тихоновский лагерь, лагерь церковной реакции, располагал гораздо большими средствами борьбы, чем неокрепнувшая обновленческая организация. И когда этот лагерь объявил войну церковно-освободительному движению, силы последнего потребовали особенного напряжения. Рецидивы болезни ведь бывают всегда опасны, и жизненные начала организма нередко побеждаются вредными микробами, — смерть побеждает жизнь. Обновленцы, однако, выдержали этот натиск, и новая церковная организация доказала, что в ней достаточно жизненной силы, чтобы противодействовать реакции и начать творческую работу. Напрасно церковные реакционеры травлили «обновленцев» на всех перекрестках; напрасно наускивали на них темную народную массу. Ни эта травля, ни экономическое удушение, которое применялось к обновленческим приходам, не сломили стойкости нового церковного движения. В полупустых храмах, в материальной нищете, окруженные ненавистью и злобой, обновленческие работники твердо дер-

жали свое знамя и громко свидетельствовали веру в правоту своих убеждений. Конечно, оказалось немало и отпавших, слабых, невыдержавших тяжелого испытания. Но тем ценнее было сохранившееся ядро, во главе с вождями церковного освобождения. Что их было мало, так что же в том? Ведь всегда и всюду всякое движение, идущее вразрез с принятым трафаретом, в начале бывает одиноко. Разве Христа не окружала враждебная стихия непримиримого иудейства? Разве апостолы, начавшие проповедь Евангелия, не подвергались насмешкам и поруганию, разве не пазынали «бесумием» их благовестие? Мы живем в такую эпоху христианской истории, когда среди традиционных церквей неприкрыто выявленная христианская правда кажется таким же новшеством, каким она казалась языческому миру в истоках христианства. Ведь, увы, прав и прав Достоевский, создавший потрясающий образ своего «Великого инквизитора». Официальные жрецы не одного католичества, но и старого официального православия, готовы были бы отвергнуть самого Христа, если бы Он снова явился на земле и попробовал обличить все извращения, какие потерпело Его учение. Но как в свое время безумная сначала для мира Евангельская весть постепенно сделалась достоянием всего мира и его святыней, так и обновленческие идеи постепенно стали делаться достоянием все большего круга верующих: твердо пустившие корни в церковную землю, так называемое «обновление», укрепив ростки, начало теперь медленно, но верно, расти в ширь. Слабые отростки увяли, но сильные выдержали бурю и стали подниматься ввысь.

Этот именно момент церковно-обновительного движения переживаем мы сейчас. Подавшись под первым стихийным натиском тихоновщины, обновленческий фронт закрепился, наконец, на своих более сомкнутых позициях и, спаяв свои ряды, создав руководящую организацию, начал расширяться уже органически, медленно, но верно. Началась внутренняя созидательная церковная работа, за которую в первые периоды церковного кризиса никак нельзя было взяться и в налажении которой заключается залог успеха обновления церкви. Результаты этой работы осязательно выясняются на местах. Последняя статистика говорит, что около одной трети православных приходов России уже стало на обновленческую платформу. Если принять во внимание, что с момента церковного переворота прошло всего три года, что за это время церковно-освободительное движение выдержало жестокий штурм реакции, то такие результаты нельзя не признать чрезвычайно успешными. Нисколько не удивительно при этом, что в самом центре — в Москве, с внешней стороны обновленчества представляется как будто слабым. Москва — центр тихоновских организаций, сосредоточивающих здесь свои главные силы, это во-первых. Москва же — и самый консервативный в церковном смысле город, это во-вторых. Москва напоминает во многом, скажем, старый иудейский Иерусалим с его книжниками и фарисеями, строгими ревнителями «закона», но лицемерами по существу. И как Иерусалим всего упорнее противился проповеди Христа, так и старый центр нашей консервативной церковности всего упорнее, конечно, будет противиться обновлению потускневшего от вековой пыли Христова лика. Поэтому удивительно не то, что в Москве так сильна тихоновщина, а то, что и в этой твердыне последней уже пробиты бреши. В Москве немного так называемых «обновленческих» приходов, но они очень жизнедеятельны: храмы их так же полны, как и у тихоновских общин. Тем более замечается это в других местах — и здесь-то, пожалуй, самое важное завоевание «обновленческого» церковного движения и самый осязательный плод созидательной церковной работы. Давно ли было то время, когда противники нового церковного течения так хвалились, что с ними — масса, что обновленческие церкви пусты и т. п. Теперь совершенно ясно обнаружилось, что и народные церковные массы идут за церковной реакцией только там, где еще царит тьма, где не раздавалось громкое слово церковного обновления и господствовал гипноз реакционного духовенства. Там же, где идет активная обновленческая работа, где рассеивается туман всяческой тихоновской клеветы, — там победнее и победнее развеваются церковно-обновленческие стяги. Опустевшие храмы вновь наполняются, приходские общины организуются для дружной работы, создаются мирянские кружки, устраиваются чтения, беседы, — словом, закипает жизнь. И это жизнь, не поддерживаемая искусственно каким-либо кислородом, а пробуждающаяся жизнь обновленного организма, выздоравливающего

после кризиса затяжной болезни. Это рвутся наружу так долго усыпленные церковные силы, почувствовавшие действительное церковное освобождение.

Муки церковного кризиса были тяжки. Они еще не миновали. Но на наших глазах происходит перелом болезни и вырастает обновленная церковность. Весьма вероятно, что

этот рост будет медлен, но он уже теперь обеспечен. Что бы ни случилось в будущем, вырвать молодое дерево из церковной почвы уж нельзя. Будущее во всяком случае принадлежит не тем, кто смотрит назад, а тем, кто смотрит вперед.

Проф. Б. В. Титлинов.

К предстоящему Вселенскому Собору.

(Историко-канонический экскурс).

В текущем году предполагается созыв Вселенского Собора в Иерусалиме. Чтобы сознательно отнестись к ожидаемому событию, которое, несомненно, было бы проявлением чрезвычайной милости Божией к Церкви, обратимся к истории церковных Соборов вообще и Вселенских в частности.

Православная христианская Церковь, для обсуждения и решения важнейших вопросов, касающихся ее вероучения, дисциплины и отчасти хозяйства, искони обращалась к Соборам. Они были высшей формой церковного управления, возникшей из естественных и живых потребностей самой Церкви — общими усилиями, общим разумом и общим голосом разрешить наиболее трудные вопросы, выдвигавшиеся обстоятельствами времени. Церковно-Соборный институт, прототипом которого был Апостольский Собор в Иерусалиме (Деян. XV), тесно связан со всей последующей историей христианской Церкви.

В канонах церковных сообщаются некоторые сведения и об организации Соборов, начало которым положено было Собором Апостольским. Они, по своему значению и влиянию, приурочивались к известной гражданской территории, к области (епархии) или же к диоцезу, впоследствии совпавшему с патриархатом. И для областных (Апост. пр. 37, I, IV, 19; Апт. 16, 18, 19, 20 и др.), и для диоцезальных (II, 6; III, 1; IV, 9) Соборов в церковных правилах указывается место и время их созыва, состав их участников и круг дел, подлежащих их компетенции. Церковные правила, указывая на областные или диоцезальные Соборы, говорят о них, как об учреждении или институте, уже действующем, канонически установленном и состоящем всецело в руках Церкви.

Ничего такого не говорится в церковных правилах о Соборах Вселенских; о них лишь упоминается, совершенно без всяких указаний на их структуру. А, ведь, этого последнего, по видимому, необходимо было бы ожидать, так как Вселенские Соборы составляют славу и опору Церкви. Что же означает столь выразительное молчание церковных правил об организации Вселенских Соборов? Оно означает лишь то, что Вселенские Соборы не были органами Церкви, состоящими в непосредственном ее распоряжении. Никакой церковной предустановленности они не имели. Церковь никогда не предусматривала необходимости созыва Вселенских Соборов в определенные периоды или в определенных случаях, как предусмотрела она необходимость периодического созыва областных или диоцезальных Соборов, как определенных инстанций, регулирующих церковную жизнь. Вселенские Соборы, как видно из их истории, сами по себе были органами империи и имели чисто государственные цели и значение. не канонами церковными а государственным законом, хотя, может быть, и неписанным¹⁾.

Государственные соображения побуждали светскую власть заботиться, чтобы Церковь оказывалась полезной для государства. В целях мира в империи, для устранения опасных для государственного единства раздоров среди элементов, входивших в состав империи, и созывались Вселенские Соборы. Это видно из предсоборных соображений самих императоров (напр., Феодосия Мл., Маркиана, Юстиниана I, Константина Погоната и др.), проникнутых чисто утилитарными взглядами на отношения государства к Церкви²⁾. В этом отношении характерны слова инициатора I Вселенского Собора — Константина В. в письме его к Александрийскому епископу Александру: «Для вас, служителей Великого Бога, следует быть единомышленными в вопросе вероучения. Возвратите

мне спокойные дни и беззаботные ночи, — писал император, — чтобы я пользовался радостью и наслаждениями спокойной жизни»³⁾.

Поводом к созыву Вселенских Соборов императоры всегда указывали нестроения и несогласия в высшей иерархии, а целью этих Соборов ставили восстановление единомыслия среди епископов, в устранение народных волнений, ослабляющих государство. Поэтому сами императоры, независимо от каких-либо канонических указаний, по своей инициативе, своими указами и собирали Вселенские Соборы, по политическим соображениям определяя их время и место и повелевая митрополитам с избранными ими епископами прибыть на Собор. Епископы присутствовали на Вселенских Соборах иногда против своего желания, не по праву, присущему их сану, а по повелению императора, отбывая повинность или обязанность перед государством, не смея оставлять Соборов до официального их роспуска императорской же властью.

Созванные ею епископы, на основании Св. Писания и Св. Предания, на Вселенских Соборах вырабатывали по спорным вопросам ту или иную формулу соглашения, представляя потом эту формулу на благовоззрение императоров, лично или чрез уполномоченных сановников, наблюдавших за ходом соборных занятий⁴⁾. При обсуждении спорных вопросов поднимались прения, разгорались страсти⁵⁾. Но когда человеческий элемент, переорудив, подчинялся Божественному, большинство приходило к общему соглашению и подписывало формулу соборного определения, часто с анафематствованием еретиков, для представления ее императорской власти⁶⁾.

Получив формулу Соборного определения за подписью епископов, она удостоверялась, по общему ли согласию и добровольно ли установлено и подписано ими это определение. Выслушав утвердительный ответ, императорская власть скрепляла его своею подписью⁷⁾ или же тем, что содействовала его осуществлению в сфере жизни государственной, не останавливаясь даже пред суровыми репрессиями в отношении к его противникам, к какому бы званию и состоянию они ни принадлежали: этого требовала польза государства⁸⁾.

Служебные функции Вселенских Соборов в отношении к государственным интересам показывают, что и самое наименование «вселенский» в приложении к обсуждаемым Соборам не было и вполне точным. Поэтому, определение катихизиса м. Филарета, что Вселенские Соборы суть «собрание пастырей и учителей христианской католической Церкви, по возможности, со всей вселенной, для утверждения истинного учения и благочиния между христианами» — довольно произвольно. Вселенскими Соборами были Соборы лишь подвластных Византийскому императору епископов, которым он и мог повелевать и предписывать. А так как пределы Церкви превосходили пределы государства (вне которого лежали, напр., Британия, Азия, Кавказ, Галлия и большая часть Испании), то Вселенские Соборы такими в действительности не были и не являлись голосом всей Церкви. Они не были бы в собственном смысле вселенскими даже и в том случае, если бы под вселенной разумелась только «римская империя» в совокупности востока и запада, так как ни на одном из

¹⁾ Проф. Успенский Ф. И. — История Византийской Империи, Сбп., 1912, стр. 92.

²⁾ Деяния, т. III, стр. 228—229; т. VIII, стр. 302.

³⁾ Напр., на I Всел. Соборе был изорван в клочки арианский символ, составленный Евсевием, м. Никомидийским. Св. Григорий Богослов назвал отцов II Вс. Собора (среди которых были св. Кирилл Иерусалимский, св. Амфилохий Иконийский и др. высокочтимые архипастыри) «стаей галок», «гусями», «гнездом ос» и даже «сбором Хриstopродавцев». — Проф. Лебедев А. П., Вселенские Соборы IV—V в. в. М. 1896, стр. 13; Чернявский Н. Ф., Император Феодосий В.—Серг. Пос., 1913, стр. 243, 248, 277.

Нечто подобное случалось и на других Соборах.

⁴⁾ Деяния, т. IV, стр. 72; т. VI, стр. 239.

⁵⁾ Деяния, т. VI, стр. 239, 252; т. VII, стр. 301.

⁶⁾ Деяния, т. IV, стр. 73; т. VI, стр. 263, 265.

¹⁾ См. грамоту имп. Константина и Ирины о созыве VII Всел. Соб., а также опровержение Собора иконоборческого, читанное диаконом Иоанном, «Деяния», т. VII, стр. 208.

²⁾ «Деяния» в русском переводе, Казань, 1878 — 93, т. III, стр. 45 17; т. VI, стр. 258, 267.

таких Соборов не было даже предстоятелей всех частных церквей государства. Императорская власть не только никогда не проявляла стремления охватить вселенским Собором всю полноту Церкви, перейдя за пределы государства, но совершенно чужда была даже и мысли о необходимости такой полноты для авторитетности Соборных определений. Не все представители Церкви и в империи присутствовали на Вселенских Соборах. На Соборе Никейском было 318 епископов, а на Константинопольском I их было только 150, т.е. отсутствовало более половины, если даже считать, что на Никейском присутствовали все. На Соборе Ефесском было 200 епископов, т.е. отсутствовало, по крайней мере, 118. По сравнению с Халкидонским Собором, где было 612 епископов, на Соборах V (при 150 епископах), VI (при 153 епископах) и VII (при 367 еписк.) отсутствовало около 300—400 епископов. Таким обр., иерархия никогда не участвовала на Вселенских Соборах во всей численной своей полноте, но всегда лишь в той или иной части своего численного состава. На II Вселенском Соборе и римский архиепископ не участвовал ни лично, ни чрез своих представителей, так как ему не было послано даже и приглашения на этот Собор...

Таким образом, Вселенские Соборы оказываются лишь имперскими Соборами епископов, приглашавшихся Византийскими императорами для устранения возникавших среди высшей иерархии несогласий, могущих вызвать народные волнения, и для составления, согласно Писанию и Преданию, вероопределения, которое и принималось государством под свою защиту.

Конечно, нельзя думать, что созыв Вселенских Соборов императорской властью происходил совершенно вне влияния представителей Церкви. Несомненно, мысль о созыве того или иного Вселенского Собора внушалась императорам лицами, близко стоявшими к кормилу церковного управления. Напр., Константин В. мог решиться на созыв I Всел. Собора, может быть, по совету еп. Осии Кордовского¹⁾ или епископа Евсевия Кесарийского²⁾. Созыв II Всел. Собора совершился не без влияния Василия В., Григория Богосл. и о.о. Аквиллийского Собора³⁾. То же можно было бы установить и относительно прочих Вселенских Соборов. Очевидно, созыв их императорами был лишь практическим выводом не только из обстоятельств данного времени, но и из голоса современной иерархии и народа, к чему светская власть всегда, однако, чутко прислушивалась.

Но в самой Церкви взгляда на Вселенские Соборы, как на всегда верное средство в ее руках к установлению церковного единства и обнаружению истинного православного учения, никогда не существовало. Хотя признанные в православной Церкви семь Вселенских Соборов, по благодати Божией, в действительности и оказались столпами и утверждением истин Вселенской веры, отсюда еще не следует, что выражение церковного учения во всей чистоте и полноте составляет неотъемлемую принадлежность и свойство всех Вселенских Соборов. Не по авторитету Вселенских Соборов, в сущности и не бывших таковыми, судит Церковь об истинности их определений, но по согласию последних с Писанием и Преданием оценивает она самые Соборы, принимая одни или отвергая⁴⁾ другие. Этим Церковь показывает, что не форма созыва Соборов и не состав их служат свидетельством истинности их определений, но их согласие с Писанием и Преданием является единственным мерилем их православия, в отличие от других, по способу созыва, по форме и по составу вполне однородных с ними, однако, не принятых Церковью. Поэтому даже и Соборы, не полные по своему составу, как, напр., Константинопольский I, на котором не было представительства папы, все же признавались в качестве Вселенских, в зависимости от их согласия с Писанием и Преданием. «Большинство, присваивающее себе власть без доказательства, пишет, ссылаясь на св. Вас. В., преп. Феодор Студит, устрашить может, но убедить — никогда. Один, благоугождающий

Богу, достойнее убажания, нежели тысячи самовольно превозносящихся»¹⁾. Если одинокий верующий не без критики, не без проверки, не без сличения с Писанием и Преданием принимает соборные определения, то так же должна принимать их и вся Церковь, которая есть не что иное, как непрерывно длящийся великий собор. Если, по словам св. Амвросия Медиоланского, Церковь «в общении молится, в общении испытывается, в общении действует», то и определения Вселенских Соборов, как и других, получают в ней силу лишь от общего признания всей католической, соборной Церковью согласия Соборных определений с Писанием и Преданием. Авторитет и значение даже Вселенских Соборов устанавливаются не ими самими, а последующим обще-церковным признанием и одобрением (рецензией) их определений, как голоса всей Церкви, которую ап. Павел назвал телом Христовым (Еф. IV, 4, 7, 16; 1 Кор. XII, 13, 14, 22—23, 26). «У нас,—говорится в Окружном послании восточных патриархов, изданном 6 мая 1848 г., ко всем православным христианам (в ответ на послание папы Пия IX) и принятом русской Церковью,—ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т.е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцов своих»²⁾.

Если Вселенские Соборы, признанные всею православною Церковью, оказались источником ее величия и силы, хотя и не были собственно ее каноническим институтом,—почему со времени VII Вселенского Собора (787 г.) более уже не видно в Православной Церкви других Вселенских Соборов, подобных прежним?

Это будет вполне понятным, если иметь в виду, по чьей инициативе созывались доселе Вселенские Соборы. Церковь (в прошлом) никогда не смотрела на них, как на свой орган, пригодный на служение ей, хотя это и не препятствовало ей преклоняться пред ними, как выразившими ее истинное учение. Сами по себе они были созданием государственной власти и созывались прежде всего в интересах государственного благосостояния, лишь в устранение вредного для государства религиозного разномыслия, угрожавшего спокойствию и целости империи. Но после подавления иконоборческой ереси государственная власть долго не имела достаточных поводов к созыву Вселенского Собора: при Македонской династии (867—1025 г.г.), вызвавшей расцвет империи, еретики-павликиане своими набегами тревожили лишь ее малоазиатские границы, несколько не колебля спокойствия всего государства. А с XI века начался упадок империи, которой грозили теперь уже не внутренние, религиозные разногласия (хотя они и возникали, напр., по поводу лжеучения Иоанна Итала об ипостасном соединении во Христе двух естеств, по вопросу об евхаристии, как жертве, по поводу лжеучения Варлаама о Божественном свете на Фаворе), а чисто внешние невзгоды—со стороны арабов, печенегов, норманов, западных крестоносцев, разделивших и опустошивших Византию, и турок, от которых она, наконец, и пала в 1453 году. На упорную борьбу с этими внешними врагами уходили все силы империи, и государственная власть поэтому не имела никакой возможности даже и думать о созыве когда-либо Вселенского Собора, хотя он, казалось бы, и был необходим, главным образом, по вопросу о соединении церквей—восточной и западной—после разрыва их единства в 1054 г. Созыв Вселенского Собора на Востоке был невозможен и потому, что все греческое население крайне возбуждено было против запада (франков) теми вопиющими бесчинствами, какие совершались хищными крестоносцами на византийской территории. Усилия же самих пап привлечь к унии восточную Церковь посредством Соборов, устраивавшихся на западе (напр., в 1274 г. в Лионе, в 1439 г. во Флоренции) никогда не приводили к удовлетворительному результату, как вследствие общего нерасположения греков к латинству, так и вследствие того, что запад всегда понимал церковное соединение с востоком лишь в смысле подчинения его папству. Поэтому-то у греков создавалась даже поговорка: «Лучше видеть в Константинополе турецкую чалму, чем папскую тиару». А когда греко-восточный мир действительно оказался под магометанской властью, и христианской «райе» пришлось в течение веков отстаивать даже

¹⁾ Проф. Успенский Ф. Ив. История Византийской империи, т. I. Спб. 1912 стр. 92.

²⁾ Проф. Лебедев Ал. П., Церковно-исторические повествования М., 1902, стр. 57—59.

³⁾ Чернявский Н. Ф., Имп. Феодосий В. Серг. Пос., 1913, ст. 221—229.

⁴⁾ Напр., риминийский Собор (359 г.) из 400 еписк., Ефесский—«разбойничий» (449 г.) из 200 еп., Иконоборческий (754 г.) из 338 еп., Константинопольский Соб. 90: г., с участием представителей папы и всех патриархов, признавший 4-й брак имп. Льва VI Мудрого.

¹⁾ Твор. в русск. пер., т. II, Спб., 1903. Письмо XLVIII к Афанасию сыну, стр. 302—303.

²⁾ §§ 16 и 17.

свободу исповедания, тогда, понятно, также не могло быть речи о Вселенском Соборе, созыв которого по традиции составлял при том прерогативу императорской власти и не был каноническим достоинством Церкви.

Теперь, когда православная Церковь стоит перед возможностью созыва Вселенского Собора, спустя более XI веков со времени последнего, естественно задаться вопросом: как он мог бы устроиться при современных условиях церковной жизни.

Определить структуру дальнейших Вселенских Соборов, которые отныне должны стать непосредственным органом Церкви и тем составить эпоху в ее каноническом праве, — высокая задача ольжанившего Вселенского Собора, инициативу которого ревностно приняла на себя первенствующая кафедра Православной греко-восточной Церкви. Выработано же было у нас в 1917 году положение о Поместном Соборе Русской Церкви, к которому вовсе не применимо то, что говорится в канонах об областных, епархиальных и диоцезальных Соборах в частных или поместных церквах¹⁾. А пока необходимого положения о Вселенских Соборах еще нет, придется ограничиться теми указаниями, какие даются относительно процессуальной стороны Вселенских Соборов в их «Деяниях», конечно, за исключением того, что относилось к императорской власти и ее представителям. В этом отношении типическое указание на процедуру Соборных заседаний могли бы дать «Деяния» четвертого Вселенского Собора. Здесь говорится, что на этом Соборе «возсели» пред алтарем и евангелием «архиепископы» пяти патриархатов, митрополиты и епископы, вызванные на Собор. Затем их вниманию предложено было уже составленное вероопределение, которое, по обсуждению его членами Собора, сдано было потом в Редакционную Комиссию, сделавшую в ней указанные на Соборе изменения и дополнения. После этого вероопределение, принятое единодушно, было подписано. Так, в общем, должна протекать и деятельность предстоящего Вселенского Собора.

В состав его должны входить в определенном числе, по соглашению со Вселенской патриархией, представители от клира и мирян, и всех частных или поместных православных церквей. Желательно было бы присутствие на Соборе и представителей всех церквей, которые признают догматические определения всех прежних Вселенских Соборов, хотя и не состоят в каноническом общении с греко-восточной Церковью, пока не высказавшей о них своего соборного суждения. Однако, их отсутствие на Соборе отнюдь не может считаться за умаление престижа и авторитета Вселенского Собора, хотя некоторые православные мыслители и высказывались именно таким образом. Следуя суждению М. Филарета²⁾, проф. Ал. П. Лебедев писал: «Отделился от союза с восточной церковью главнейший и важнейший патриарх — римский, вследствие чего ни на востоке не может быть истинно-Вселенского Собора, ни на западе: для восточной Церкви недостает голоса римского патриарха — папы. А без согласия всех патриархов не может быть Вселенского Собора, так мыслила (!) древняя Церковь. Раскол патриархий положил конец Вселенским Соборам»³⁾. Но такой взгляд глубокочтимого нами ученого был с его стороны, очевидно, лишь мимолетной данью «преданиям школы», а не выражением его исторических выводов. Ведь, достаточно сказать, не мог же ученый забыть, что на II Вселенском Соборе не только не было представительства папы, но он даже и не приглашался на этот Собор, тогда как последний, с 451 года всюду признаваемый Вселенским, выработал символ веры, доселе обязательный для всей Церкви. Нельзя принять мнения Ал. П. и по существу, иначе следовало бы, что с уклонением какой-либо части Церкви в раскол или ересь Церковь перестала бы быть вселенской; такое заключение было бы тем более непоследовательным, что деление Церкви на патриархаты не вытекает из богооткровенного учения о существе ее и имеет чисто случайное и внешнее происхождение.

Следовало бы пригласить на Вселенский Собор и представителей тех христианских обществ, которые и не признают догматических определений всех семи Вселенских Соборов — старокатоликов, англикан и протестантов всех фракций⁴⁾,

¹⁾ Проф. Голубинский Е. Е., О реформе в быте русской Церкви М., 1913, стр. 102—103.

²⁾ Разговор между испытующим и уверенным, Спб. 1815, стр. 61.

³⁾ Духовенство древней вселенской церкви. М. 1905, стр. 245—246.

⁴⁾ Допускались же на прежние соборы и явные еретики (ариане, монофизиты, иконоборцы и др.).

если только они будут искать общения со Вселенской православной Церковью, для объяснения по вопросам, касающимся их обществ, но без права участия в решении дел Церкви православной.

Увлечаясь высшей церковной инстанцией, Вселенский Собор охватывает своей компетенцией всевозможные функции обще-церковной жизни. Его ведению подлежат все догматические вопросы (до составления символов и вероопределений включительно), вопросы относительно богослужения, христианской нравственности и благочиния среди членов Церкви, пересмотр и дополнение церковных правил, суд над нарушителями церковного мира — еретиками и раскольниками, решения по апелляциям, вопросы, касающиеся церковного управления и высшей церковной цензуры и церковного хозяйства. Понятно, все отмеченные вопросы решаются на Вселенском Соборе согласно с Св. Писанием и Св. преданием, и определения его обязательны для всех поместных церквей, поскольку касаются их членов. Каждая поместная Церковь, оудучи относительно самоуправляющейся, не может не считаться с главенством Церкви Вселенской, иначе первой грозила бы возможность перерыва живительного общения со второй.

Намеченная вселенской патриархией программа занятий предстоящего Вселенского Собора не только достаточно широка, но и вполне соответствует назревшим потребностям обще-церковной жизни.

Сохраняя неизменными догматы, установленные семью Вселенскими Соборами, программа выдвигает вопросы о соединении христианских церквей, о пересмотре так называемых символических книг православной церкви в связи с течением богословской мысли, обозначившимися после VII Вселенского Собора, о пересмотре церковного законодательства применительно к настоящему положению Церкви, о богослужении, о постах, о пасхалии, о браке клириков, а также чрезвычайные вопросы поместных церквей и некоторые друг.

Через всю программу, как она ни обща, а по местам и неопределенна, довольно заметно проходит вдумчивое отношение к современной общецерковной жизни, с искренним стремлением прийти на встречу ее законным потребностям и устранивать ее недуги.

Конечно, и каждая поместная Церковь в отдельности должна также серьезно отнестись к задачам предстоящего Вселенского Собора. Каждая из них, конечно, могла бы остановить внимание Вселенского Собора на тех или иных вопросах, общего или местного характера, соприкасающихся с его программой.

В частности, русская церковь должна предложить на обсуждение Вселенского Собора, напр., проблемы о значении имени «Иисус» (в виду недавно возникших споров об этом на Афоне), о происхождении души каждого человека в отдельности (в виду так называемых «абортов», ставших явлением эпидемическим, о последствиях греха, о человеческой плоти, в связи с вопросом о браке, о состоянии в жизни загробной, об условиях действительности благодати священства, в виду переживаемой нами иерархической смуты), о войне и смертной казни, об отношении христианина к государству, культуре и прогрессу, об экономической эксплуатации олигархов, о хулиганстве, как явлении противообщественном, — эти проблемы, повидимому, имеют общецерковное значение.

Кроме того, наша русская Церковь должна возбудить на Вселенском Соборе и наиболее важные вопросы исключительно нашей церковной жизни: о снятии «клятв» Собора 1666—67 гг. на содержащих так называемые «старые» обряды и книги, о признании «белокриницкой» иерархии и о «тихоновском» расколе. Многие другие вопросы нашей церковной жизни, кажется, уже входят в программу Собора.

Если хотя некоторая часть программы и других соприкасающихся с ней вопросов церковной жизни была бы авторитетно разрешена на предполагаемом Соборе — уже и это было бы величайшим благом для Вселенской Церкви и составило бы ее торжество.

Будем же, в союзе Христовых братства и любви, в меру своих сил и дарований, содействовать к собственному благу и спасению, благоустроению Церкви и воплощению в жизни нашей великих заветов Христовых чрез предстоящий Вселенский Собор. Это — долг каждого живого члена Церкви.

Проф. протоиерей Н. Г. Попов.

Обзор современного положения Р. П. Ц.

Священный Синод в 1924 году.

В ведении Священного Синода Р. П. Ц. к 1 января 1924 г. находилось 92 епархии. Соответственно гражданскому делению Союза Советских Социалистических Республик, Православная Церковь в административном отношении разделялась на составные части, имевшие различную степень самоуправления. Составные части следующие: собственно Российская Православная Церковь, Украинская Церковь, Сибирская Церковная Область и Дальне-Восточная Церковная Область.

Все эти части единой Российской Церкви имели свои высшие административные органы, находившиеся в каноническом подчинении Священному Синоду Р. П. Ц. Во главе Украинской Церкви стоял Всеукраинский Св. Синод, во главе с Высокопреосвященным Пименом, Митрополитом Харьковским, имевший права автокефалии по положению, утвержденному Всероссийским Предсоборным Собранием 1924 года с незначительными ограничениями.

Во главе Белоруссии стоял Белорусский Св. Синод, во главе с Митрополитом Владимиром Могилевским; во главе Сибирского Областного Церковного Управления—Сибирский Областной Церковный Совет (СОПС) в г. Ново-Николаевске с Митрополитом Сибирским Петром, во главе: во главе Дальне-Восточной Области—Дальне-Восточный Областной Церковный Совет под председательством Архиепископа Владимира (Хабаровск).

Белорусский Св. Синод, СОПС и ДВОПС управляли на основании положения о митрополитанских управлениях, утвержденного тем же Предсоборным Собранием 1924 г. В ноябре 1924 г. на юге России организован был новый митрополитанский округ из 9 епархий Северо-Кавказской Области; 92 епархии по составным частям Православной Церкви на территории СССР распределялись следующим образом:

- 1) Россия 57 епархий
- 2) Америка 1 »
- 3) Украина 9 »
- 4) Белоруссия 4 »
- 5) Сибирь 16 »
- 6) Дальне-Восточная Область 5 »

Из числа 57 русских епархий 9 отошло в ведение Северо-Кавказского Областного Церковного Управления.

В 1924 году закрылись 5 епархий, и управления в них были преобразованы в викариальные, с присоединением к ближайшим епархиям на основании соответствия гражданскому делению губерний (Белгородская и Рыльская епархии к Курьской, Ижевская к Сарапульскому викариатству, Пермской епархии, Златоустовская — к Уфимской и Пятигорская — к Владикавказской).

В указанных 87 епархиях существует 95 викариатств (России—52, Америке—1, Украине—21, Белоруссии—1, Сибири—9, Д.-Восточной Республике—4, С.-Кавказской Области—7).

В 87 епархиях и 95 викариатствах в ведении Св. Синода находится 167 епископов, состоящих на службе, 1 митрополит-Апологет-благовестник Александр (Введенский) и 3 епископов заштатных.

	Митрополитов.	Архиепископов.	Епископов.	Итого.
1. Россия	5	34	45	84
2. Америка	1	—	—	1
3. Украина	2	8	21	31
4. Сибирь	1	17	7	25
5. Дальне-Восточная Республика.	—	5	4	9
6. Белоруссия	2	—	5	7
7. Сев. Кавказская Область . . .	1 ¹⁾	4	6	11
8. Заштатные	1	4	3	8
9. Апологет-благов.	1	—	—	1
Итого	13	72	91	176

В ведении Св. Синода в России (с С. Кавказской Областью) и Сибири (из Украины, Белоруссии, Д. В. Республики сведений не доставлено) находится церквей 10049 (России 8389, Сибири 1650), монастырей 19, священников 9378 и диаконов 1871.

По епархиям они распределялись в следующем образом:

№ по порядку.	Наименование епархии.	Колич. синодальных церквей.	Количество духовенства.		
			Епископов.	Священников.	Диаконов.
1	Америка	33	1	35	2
2	Астраханская	44	1	52	12
3	Архангельская	85	1	78	9
4	Брянская	103	1	115	25
5	Бакинская	16	1	28	4
6	Вологодская	167	2	186	78
7	Воронежская	746	7	818	146
8	Владимирская	390	4	440	30
9	Вятская	137	2	183	53
10	Велико-Устюжская	139	1	146	27
11	Владикавказская	85	2	95	21
12	Донская	312	2	329	30
13	Джетысуйская	119	1	99	10
14	Екатеринбургская	163	1	178	29
15	Иваново-Вознесенская	86	1	88	10
16	Кубано-Черноморская	482	2	679	157
17	Калужская	83	1	86	2
18	Курская	323	2	335	112
19	Казанская	320	2	350	150
20	Костромская	15	3	21	18
21	Курганская	115	1	115	3
22	Московская	95	5	163	13
23	Нижегородская	61	1	73	31
24	Новгородская	20	2	35	5
25	Олонекская	110	1	114	—
26	Оренбургская	74	2	—	—
27	Орловская	388	3	478	120
28	Ленинградская	74	4	80	35
29	Пензенская	78	2	125	20
30	Пермская	200	4	300	100
31	Пековская	15	1	—	—
32	Ростовская на Дону	56	1	100	81
33	Рязанская	49	1	62	21
34	Саратовская	224	1	270	14
35	Смоленская	386	3	438	99
36	Ставропольская	55	1	88	20

¹⁾ Митрополит Северо-Кавказский Серафим состоит одновременно митрополитом Московским.

№ по порядку.	Наименование епархии.	Колич. сино- дальных церквей.	Количество духовенства.		
			Еписко- пов.	Священ- ников.	Диакон- ов.
37	Ульяновская	309	3	315	29
38	Самарская	190	2	164	45
39	Таврическая	55	1	—	—
40	Тульская	709	1	824	—
41	Тамбовская	200	3	231	134
42	Тверская	16	2	17	—
43	Туркестанская	111	1	120	17
44	Тифлисская	40	—	40	—
45	Таганрогская	36	1	50	18
46	Уральская	35	1	40	5
47	Уфимская	124	2	135	25
48	Царьцынская	299	1	394	63
49	Череповецкая	106	1	106	—
50	Ярославская	7	1	10	3
51	Ирбитско-Туринская	115	1	120	27
52	Чувашская область	159	2	60	18
Итого . . .		8.389	94	9.378	1.871

№ по порядку.	Наименование епархии.	Колич. сино- дальных церквей.	Количество духовенства.		
			Еписко- пов.	Священ- ников.	Диакон- ов.
	Сибирский областной церковный совет.				
1	Алтайская	127	1	129	14
2	Бийская и Ойратская	77	1	67	—
3	Иркутская	101	5	101	15
4	Ишимская	77	1	82	—
5	Каменская	56	1	52	12
6	Каргат-Каинская	68	1	78	9
7	Красноярская	263	2	317	42
8	Ново-Николаевская	91	1	124	19
9	Омская	111	2	109	12
10	Петропавловская	81	2	81	—
11	Семипалатинская	142	1	144	20
12	Тобольская	10	1	12	1
13	Томская	227	2	245	28
14	Тюменская	17	1	18	2
15	Челябинская	212	3	220	80
Итого . . .		1.650	—	1.679	254

На Украине синодальных церквей имеется около 3.000, в Белоруссии—около 500 и в Д. В. Р. около 400.

Состав Священного Синода.

Св. Синод состоял из постоянного Президиума и Пленума, собиравшегося периодически.

В состав Президиума Св. Синода входили следующие лица: Председатель—Митрополит Евдоким Одесский и Херсонский и Члены: Вениамин—Митрополит Ленинградский, Серафим, Архиепископ Владимирский, потом Митрополит Московский и Северо-Кавказский, Митрополит Александр (Введенский), Епископ Георгий (Добронравов), Протоиереи П. Н. Красотин, Протоиерей С. А. Добров, мирянин А. И. Новиков (Секретарь Св. Синода). В течение отчетного года из состава Президиума выбыл А. И. Новиков. Кроме постоянного состава Президиума, к участию в работах его привлекались по вызову старейшие иерархи. Пленум Св. Синода состоял из лиц, избранных Собором 1923 года. В течение 1923 и 1924 г.г. из состава Пленума выбыл целый ряд лиц, и к концу 1924 года Пленум остался в составе следующих лиц: Митрополита Александра (Введенского), Митрополита Петра Сибирского, Епископа Георгия, Протоиерея П. Н. Красотина, Протоиерея А. И. Боярского, Архиепископа Петра Сергеева, Архиепископа Сергея Томского, Протоиерея Д. А. Адамова, протоиерея С. А. Доброва, Архиепископа Алексея Дьяконова, протоиерея С. Канарского, Протоиерея П. В. Раевского, Митрополита Николая Федотова и профессора А. И. Покровского.

Для более плодотворной работы в Св. Синоде были организованы отделы:

- 1) Иностранный—под председательством Митрополита Евдокима.
- 2) Административный—Митрополита Серафима.
- 3) Миссионерский—Митрополита Вениамина.
- 4) Просветительный—Митрополита Александра (Введенского).
- 5) Церковно-юридический—Епископа Георгия.
- 6) Хозяйственный—Протоиерея П. Н. Красотина.
- 7) Канцелярия.

В течении 1924 г. Св. Синод имел 114 заседаний, на которых было рассмотрено 3150 дел, издано №№ 114 руководя-

щих циркуляров, выпущено №№ 4458 исходящих бумаг, при №№ 4552 входящих.

При Св. Синоде в отчетном году функционировали следующие вспомогательные учреждения: Миссионерский Совет, Просветительный Отдел, Учебный Комитет и Издательский Отдел.

Миссионерский Совет состоял из следующих лиц: Митрополита Вениамина, священника В. Соколова (до сентября 1924 г.), проф. В. З. Белоликова и проф. протоиерея Н. Г. Попова. Миссионерский Совет имеет своей задачей—организацию миссии против неверия инославия, старообрядчества и сектантства как в центре так и по епархиям, уездам, благочиниям и приходам, и руководство этой миссией. В целях выяснения положения и нужд миссии на местах, изыскания средств и людей для служения миссии—Св. Синодом 8 мая 1924 года за № 1413 был разослан циркуляр о представлении исчерпывающих сведений о местных расколах и лже-учениях, их центрах и главнейших руководителях, об епархиальных учреждениях на местах, о лицах способных к миссионерской деятельности, о местных средствах на дело миссии, об издательствах и т. д., и 10 мая 1924 года циркуляром за № 1552 было предложено Епархиальным Управлениям изыскать на местах средства на содержание Миссионерского Совета и рекомендовать лиц на работу по делу миссии. На Великом Предсоборном Собрании в июне 1924 года вопросам миссии в широком смысле был посвящен доклад проф. В. З. Белоликова о сектанстве и мерах борьбы с ним. В резолюции по этому докладу были высказаны пожелания Миссионерскому Совету в его дальнейшей работе и указан ряд практических мер по борьбе с сектанством. В сентябре 1924 г. Миссионерским Советом были выработаны Положения о Миссионерских Отделах при Епархиальных Управлениях и Миссионерских Подотделах при викариальных и благочиннических управлениях и приходах. Положения эти утверждены Св. Синодом и разосланы по епархиям для руководства. По полученным в Миссионерском Совете сведениям в 24 епархиях уже организованы Миссионерские отделы при Епархиальных

Управлениях, которые начинают плановую работу на местах. Большим тормозом для работы служит отсутствие средств на дело миссий, людей, литературы, неорганизованность епархиальной жизни вообще, в то время как сектанты располагают и средствами, и специально подготовленными миссионерами и литературой.

Просветительный Отдел, под председательством и руководством Митрополита Александра (Введенского), имел своей целью защиту истин религии вообще и православной веры в частности против нападок противников путем устройства диспутов, лекций и т. д. К этим задачам присоединена была борьба тем же методом с тихоновщиной. Высокопреосвященный Председатель Отдела неутомимо, с чисто апостольской ревностью, посетил почти все важнейшие города России, Украины, а летом и Сибири, и везде с колоссальным успехом вел диспуты, устраивал лекции на апологетические темы как против неверия, так и против тихоновщины. В течение 1924 года им было прочитано свыше 100 лекций. Ревность по вере и его колоссальные успехи в деле истинно-христианского просвещения побудили Св. Синод дать ему звание апологета-благовестника.

Издательским Отдел. Св. Синодом в 1924 г. обращено самое серьезное внимание на издательство. Нужда в духовной литературе весьма большая, так как она является одним из радикальных средств борьбы с неверием и тихоновщиной. Трудом Высокопреосвященного Председателя Св. Синода Митрополита Евдокима предпринято издание ежемесячного журнала «Христианин»; к работе в нем привлечены лучшие профессорские и общественные силы; предприняты шаги к возобновлению журнала «Вестник Св. Синода», который ныне и выходит в свет. Митрополитом Александром Введенским предпринято издание его трехтомного труда: «Современная Апологетика Христианства». Наконец, Св. Синодом в конце 1924 г. приготовлен к изданию Православный Календарь на 1925 год. (Через несколько дней выходит из типографии). Кроме того, Особая Комиссия при Св. Синоде готовила в 1924 г. издание служебника на русском языке.

По епархиям, с благословения Св. Синода, выходили в свет следующие издания: «Церковное Обновление» (Рязанской епархии), «Тульские Епархиальные Ведомости» (Тульской епархии), «Церковная Жизнь» (Владимирской епархии), «Самарские Епархиальные Ведомости» (Самарской епархии), «Ульяновский Церковный Листок» (Ульяновской епархии), «Вестник Клинского Викариального Управления» (Московской епархии), «Голос Православной Украины» (Издание Украинского Священного Синода), «В Духе Христа» (Одесской епархии).

Учебный Комитет, в состав коего входили: Высокопреосвященный Александр (Введенский), Епископ Георгий (председатель), Протоиерей П. Н. Красотин, проф. Ю. Ф. Геккер,—в 1924 г. продолжал начатое в 1923 г. дело организации высших богословских и средних пастырских школ.

Московская Богословская Академия 6 декабря 1924 г. торжественно праздновала годовщину своего существования. Ректором Академии Епископом Георгием был сделан собранию доклад о состоянии Академии. Высокопреосвященным Александром был предложен доклад на тему: «О Божестве Христа Спасителя»; с кратким приветствием выступил проф. Ю. Ф. Геккер.

В первой половине 1924 г. Академия имела в своем факультете следующих профессоров:

1) Высокопреосвященнейший Евдоким, Митрополит Одесский, читавший дисциплину: «Теория проповеди» и греческий язык.

2) Высокопреосвященнейший Митрополит Александр (Введенский), читавший дисциплину: «Сущность и философское обоснование христианства».

3) Преосвященный Георгий, Ректор Академии, читавший дисциплину: «Св. Писание Нового Завета».

4) Проф. Прот. Николай Григорьевич Попов, читавший дисциплину: «История Христианской Церкви».

5) Протоиерей Владимир Владимирович Шаповалов, читавший дисциплину: «Апологетика».

6) Проф. Юлий Федорович Геккер, читавший дисциплину: «Христианская этика и социология».

7) Прот. Павел Николаевич Красотин, читающий дисциплину: «Практика Проповеди».

8) Преподавательница М. Н. Богословская, преподававшая немецкий язык.

За апрель выбыл из числа преподавателей прот. В. В. Шаповалов (скончался).

В нынешнем 1924—1925 году занятия в Академии начались с 1 октября. В состав профессуры, кроме имевшихся и читавших в прошлом году влились новые силы в лице:

1) Проф. В. З. Белоликова, читающего дисциплину: «История Русской Церкви».

2) Епископа Антония Семигановского, читающего дисциплину «История религий».

3) Архиепископа Михаила (Попова) Рязанского, ведущего эпизодические курсы по истории Западных исповеданий.

4) Проф. А. И. Вознесенского, читающего дисциплину: «Догматика».

5) Прот. П. В. Богословского, читающего дисциплину: «Экзегетика».

6) Проф. А. И. Попова, преподающего греческий язык.

Кроме того, в настоящем году введено преподавание английского языка.

В нынешнем году поступило 24 действительных студентов и 2 вольнослушателя. Прошений было подано 53, принято было 47 человек, приехало только 24 человека. Остальные не приехали по невозможности содержаться в Москве на свой счет, а большого количества стипендий Синод не мог предоставить за недостатком средств.

Учебные занятия в Ленинградском Богословском Институте начались со второй половины марта 1924 года и закончились за роспуском на летние каникулы в середине июля месяца.

Число слушателей Института было 25 человек, из них—8 женщин и 17 мужчин. Кроме того, лекции в Институте иногда посещали и другие лица, желавшие послушать того или другого лектора.

В отчетном семестре читались лекции по следующим дисциплинам: 1) по апологетике, 2) по Св. Писанию, 3) по истории церкви, 4) по христианской этике, 5) по практическому Богословию, 6) по патрологии и 7) о церкви и государстве. Кроме того, происходили учебные занятия греческим и немецким текстом.

По апологетике читали лекции два преподавателя: сначала протоиерей Н. Ф. Платонов, а потом—И. Д. Холопов.

По Св. Писанию преподавателем был протоиерей Н. Ф. Платонов.

По истории Церкви—проф. Б. В. Титлинов.

Преподавателем христианской этики—прот. П. В. Раевский.

Лектором по практическому Богословию—прот. А. И. Боярский.

Лектором по патрологии—прот. Е. И. Запольский.

По предмету «Церковь и государство» — проф. прот. Д. Ф. Стефанович.

Занятия греческим текстом велись прот. Д. Ф. Стефановичем.

Занятия немецким текстом велись преподавательницей Н. М. Элиаш.

Кроме названных систематических курсов, в свободные за временным отсутствием преподавателя св. писания часы, был прочитан проф. Б. В. Титлиновым эпизодический курс истории церковно-обновленческого движения в России.

Под руководством преподавателя прот. А. И. Боярского слушатели приступили к практическому упражнению в проповеди, и в различных храмах Ленинграда ими был произнесен ряд проповедей.

Средние пастырские школы существовали в Курске, Череповце, Вологде, Вятке, Воронеже и других городах.

Большую моральную и материальную поддержку делу духовного просвещения оказывали наши американские друзья,—неизменною связью с которыми у Синода является профессор Ю. Ф. Геккер.

Апологетическое обоснование обновленчества.

(Доклад на пленуме Св. Синода 27 января 1925 года).

Обычно в обновленческом движении прощупывают только его верхние слои. Прежде всего обывателю бросается в глаза его внешняя окраска, его политическая ориентация. И в массы пролилась кличка «Красная Церковь». Этому наименованию контр-революционные круги придают одиозный, сугубо одиозный характер. Конечно, одиозность вообще вещь не особенно доброкачественная. Одиозная интерпретация клички «красная» Церковь есть вещь нежелательная и, по существу, неверная. Вот почему мы энергично протестуем, когда нас, нарочно одиозно, именуют красными. Но, в то же самое время, мы не боимся слов. И самое слово «красный» нам, у которых политическое сердце вовсе не струит белую кровь, не представляется страшным. Как выразился однажды митрополит Серафим Ружнецов, — «красный цвет — пасхальный цвет». Словом, «красный цвет» — в этом нет ничего страшного. Конечно, если в этом хотят видеть наше пресмыкательство перед властью, о... тогда мы протестуем. То правда, что еще Достоевский метко сказал: русский человек ищет, у кого бы сапогов почистить. Но мы не принадлежим к породе чистильщиков хотя бы красных сапог. Лакействующая психология тихоновщины объективируется ими в душу обновленчества с совершенно-напрасной затратой энергии. Если тихоновцы нас называют красными (в одиозном смысле этого слова), то надо полагать, что сами тихоновцы красны в квадрате или даже в кубе. Когда Тихон осенью 1923 года на стенах своей келии вывешивал: «контр-революционерам вход воспрещается» — это квадрат церковной красноты. Когда Илларион на стенах церквей в Москве же вывешивал: «активным контр-революционерам запрещается подходить к Св. Чаше» — это куб красноты церковной. Так что и для тихоновщины прав оказался бессмертный Достоевский. Мы признаем правоту революции. За это — все злопыхательство.

Мы признаем правоту революции. Но правы ли мы? Еще раз надо осознать мотивы, по которым обновленчество сделало в области политической то, что сделало.

В истории церковь в подавляющем большинстве случаев была не только в союзе, но и в преступной связи с государством.

Так в нехристианских религиях, так и в христианстве. Законы Ману установили в Индии существование каст, ряд христианских писателей за границей и у нас обосновали монархизм. Боссюэ называл королей «богами». Ришелье требовал держать народ в невежестве, дабы не трогались устои монархизма.

Проф. Кареев в «Общих основах социологии» совершенно справедливо пишет: «Обожествление политической власти, в форме ли возведения генеалогии царей к богам или прямого обоготворения царей или учения о божественном происхождении власти, о наделении ею царей свыше — обычное явление в истории догматизации абсолютизма, как политической формы. В этом проявлялось отрицательное влияние религии на политику, которое наблюдается и тогда, когда и другие стороны социального и политического быта санкционировались богословскою догматикой, как это было по отношению к рабству и к крепостному праву. Был ли царь и главою религии, или между алтарем и троном существовал только союз, духовенство играло роль реакционной силы к ущербу не только государства, в котором освящался деспотизм, но и к невыгоде для самой религии, которая из интимного дела индивидуальной души, в какое начинала превращаться по своей, вообще, психологической и в частности моральной природе, делалась, главным образом, орудием властвования по «Божией милости» и своему «произволу». У бл. Августина мы находим любопытную мотивировку необходимости союза Церкви с государством. Вот отрывок из послания бл. Августина к Викентию: «Те, которые не хотят видеть законов против нечестия, говорят, что апостолы не просили помощи у земных царей. Кто так говорит, тот забывает, что тогда было иное время, а что все должно делаться в свое время. Ибо какой император тогда уверовал в Христа и хотел служить Ему изданием законов в пользу благочестия против нечестия? Тогда исполнялось еще пророческое изречение: «вскую шаташася языцы, и людие поучашася тщетным». Предсташа царие земстии и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его (Пс.

2, 1—2). Тогда еще не приводилось в действие то, о чем говорится в том же псалме ниже: «и ныне, царие, разумеите, накажитесь, вси судящии земли. Работайте Господеву со страхом и радуйтеся Ему с трепетом». Каким же образом цари служат Богу со страхом, если не воспрещая и наказывая с благочестивой строгостью то, что противно заповедям Господним? Ибо иначе служит царь Богу, как человек, и иначе, как царь. Как человек, он служит Богу, живя по христиански; но поелику он также царь, то служит Богу, издавая законы, повелевающие то, что праведно, а противное сему воспрещая с приличной строгостью. Так Господу служил Иезекия (4 Царств, 18, 4), который разрушил дубравы и капища языческие. Так служат Господу цари, поелику они цари, когда делают в славу Божию то, что могут делать только цари. Никто из здравомыслящих не дерзнет сказать царям, что им нет нужды до того, каковы их подданные, целомудры или развратны; и кто, кроме безумного, может сказать им: «не заботьтесь, в каком бы состоянии ни находилась Церковь Господня в государстве вашем, пользуется ли она миром или терпит бедствия от врагов своих, — благочестие или нечестие поданных ваших не подлежит вашему усмотрению. Пастыри церковные просят помощи у христианских императоров, не отминая за себя, но охраняя вверенные им паствы. Если бы они этого не делали, следовало бы порицать их за нерадение. Ибо и ап. Павел не о своей жизни заботился, но о Церкви Божией, когда, узнав о составленном против него заговоре, прибегнул к помощи тысячника (Деян. 23, 12; 26, 32). Итак укрощать и исправлять еретиков посредством установленных от Бога властей мне кажется не бесполезным. А как апостол говорит: «нет власть, аще не от Бога», то, без сомнения, когда цари оказывают Церкви помощь, помощь сия нам от Господа, сотворившего небо и землю».

Аналогичные мысли бл. Августин развивает в послании к Бонифацию. Я не буду приводить выдержек из других церковных дореволюционных писателей. Но не могу удержаться от соблазна привести цитату из «Беседовательного толкования второго послания к Солунянам» епископа Феофана-Завторника, где этот аскет пишет: «царская власть, имея в своих руках способы удерживать движения народные и, держась сама христианских начал, не попустит народу уклоняться от них, будет его сдерживать. Как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечь всех от Христа, то и не явится, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться, будет мешать ему действовать в своем духе. Вот это и есть «удерживающее». Когда же царская власть падет, и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии), тогда антихристу действовать будет просторно. Сатане не трудно будет подготавливать голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции. Некому будет сказать «veto» — властное. Смирненное же заявление веры и слушать не станут. Итак, когда заведутся всюду такие порядки, благоприятные раскрытию антихристовских стремлений, тогда и антихрист явится. До того же времени подождет, удержится».

Отсюда — «гармоническое соединение» (симфония) царской и духовной власти, как поэтически писал в XII ст. император Иоанн Комнен папе Григорию, отсюда — неразрывность союза креста и нагайки царского стражника, — вот проклятый символ взаимоотношений церкви и государства во дни и годы дореволюционного кошмара русской действительности.

Передо мной — анонимная брошюра 1906 г. «Власть самодержавия по учению Слова Божия и православной Русской Церкви». Цитируя блж. Августина, по которому царь «второй по Богу и высший над всеми и меньший единого истинного Бога», брошюра говорит: «Наш царь избран на служение самим Богом. Он есть посланник и служитель Отца Небесного: он — живое орудие всеуправляющей Десницы Божией; он — исполнитель судеб Божиих, избранный на высокое служение самим Богом по сердцу своему; на нашем престоле восседает избранник Божий, муж желательный не народом только, но и самим Богом». Далее идут следующие кощунственные слова: «истина самодержавия царей православных, то-есть поставление и утверждение их на престолах царств от Самого Бога так священна, что по духу учения и законо-

положений церковных, она возводится некоторым образом на степень догмата веры, нарушение и отрицание которого сопровождается отлучением от церкви. Церковь в неделю православия возглашает: «помышляющим, яко православные государи возводятся на престол не по особенному о них Божию благоволению — анафема, т.е. отлучение от церкви, а это — то же, что лишение спасительной благодати Божией и пагуба души. И понятно: если мы веруем в Бога, Творца и Вседержителя, то должны веровать и в самодержавие царей своих, т.е. несомненно признавать царскую власть, происходящую от Бога, и царя чтить, как представителя Божией власти на земле, и ему служить, как самому Богу». Это не слова оголтелого монархиста. Это общее учение до-революционной церкви. Недаром же такой ученый и тонкий богослов, как священник Флоренский, требовал на страницах светской печати объявления самодержавия догматом православной веры. И когда на Соборе 1917—18 г.г. священник Востоков говорил, что лишь в добром, мудром русском царе — спасение всего, — он повторял то же учение всей русской до-революционной церкви¹⁾.

И. С. Аксаков²⁾ писал в свое время: «наша Церковь, со стороны своего управления, представляется чем-то вроде бюро или какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей — с неизбежно канцелярскою официальною ложью — порядки немецкого канцеляризма к пасению стада Христова. С организацией церковного управления по образу и подобию департамента светского правительства, с причислением служителей Церкви к сонму слуг государственных, сама Церковь вскоре превращается в одно из отделений государственной власти или, говоря проще, она сама поступает на службу к правительству».

Некоторые авторы (В. С. Соловьев³⁾) свидетельствуют о «глубокоцерковном и монархическом характере русского народа». Так — лживо и неверно — даже хорошие представители интеллигенции находили мистическое обоснование пленения Церкви государством.

Царизм опирался на всю русскую иерархию. Приравняв епископат к генералитету, царизм действовал через безличный и безвольный Святейший Правительствующий Синод. Но, идут года, и, в дни церковных революционных потрясений, рождается мысль о патриаршестве. Что такое патриарх? Для чего его вызывают из глубины небытия? Высказывались различные мотивы этого но, как часто, умалчивался единственный истинный повод всех этих «либеральных» требований. В брошюре Москвича Я. С. «О патриаршестве и дворянском представительстве. Мысли русского человека, (1905 г. 6—7 стр.) читаем: «итак утверждение веры, народности, государственности, — вот три задачи, решение которых всегда заботит патриархию. Отсюда православные монастыри — светочи знания, поддержка государства, хранители обычая и предания; отсюда, при наличности ли государства или без него (как это случилось после 1453 года в Византии), патриаршества — устой народности, около которых — все общение народной и исторической деятельности. Все это ясно само по себе и не требует подтверждений: в государственных времена патриарх — верный спутник благоверного государя, в безгосударственные — берегает народ в его народном духе и исторических особенностях».

Тихон, его избрание на Соборе и вся тихоновщина, есть осуществление этого литературного требования, этой политической задачи.

Неразрывность связи государства и церкви обусловили массовый отход от церкви интеллигенции и трудящихся масс. Погодин еще в 70-х г.г. прошлого столетия предупреждал, что как только в России будет объявлена свобода религиозных убеждений, половина крестьян отойдет в раскол, а половина «высшего света» (в особенности, по словам Погодина, женщины) перейдут в католичество. До революции Мережковский засвидетельствовал какую-то мистическую, органическую ненависть нашей интеллигенции к православному христианству. Гнушались заходить в чайные Союза русского народа, гнушались заходить в храмы, где, наряду с Чудотворными ликами Христа и Пречистой, на голубых шелковых стягах знамен Союза русского народа были запечатлены эмблемы алкогольно-пруссацкого самодержавнического держиморд-строга.

Мне говорил покойный наш великий египтолог, профессор Бор. Ал. Тураев, что ему стыдно ходить в храм, хотя он — верующий, ибо его засмеют коллеги, как если бы он в самом деле пошел в чайную «Союза русского народа».

Народ, пусть в диких, кошмарных, с точки зрения подлинной религиозности, формах так называемого нашего раскола, отходил от церкви именно из-за ее связи с царем, которого, в лице Петра Первого, определенно именуют Антихристом. Правда, это не был политический бунт, политически себя раскол держал, в той или иной мере, лояльно¹⁾, — это был религиозный протест, но отсюда его значимость, с точки зрения церковной, делается еще большей.

Отлив народа в раскол, в сектантство, следовательно, вызывался той же основной причиной, что и отход от церкви интеллигенции, — тем, что Церковь потеряла свой собственный подлинный лик.

Обновленческое движение, разорвав раз навсегда союз с государством, совершило колоссальный апологетический подвиг. Церкви поработенной, Церкви, скованной золотыми кандалами самодержавных тюремщиков, обновленчество противопоставляет Церковь — свободную от единения с черной сотней, церковь — подлинно Христову.

В этом — такое колоссальное значение обновленчества, что, не будь всего прочего, одно это дало бы ему право быть вписанным золотыми буквами на страницах священной церковной истории.

Эта заслуга ни мало не уменьшается тем соображением, что, так сказать, сама жизнь разорвала связь любодейную церкви и самодержавия. Да, это правда, беспощадный огонь революции расплавил церковные кандалы. Рука, обогрелая кровью насильников оставшегося народа, вырвала Гадилейскую Девушку — Церковь из сластолюбивых объятий монархического рамоли. Но... но не осталась ли у этой продавшей свою верность Христу официальной церковности жажда новых поцелуев с тем же господином? Я разумею то, что казенное православие, православие Собора 1917—18 года, православие тихоновщины считает — поскольку оно находит в себе смысл говорить то, что думает — современный революционный разрыв между церковью и государством явлением ненормальным, вредным, временным. Любопытны те прения, которые развернулись на Соборе 1917—18 года по поводу этого разрыва, отделения Церкви от государства. Я приведу здесь выдержки из заседания Собора от 31 января 1918 года²⁾. С. А. Котляревский заявляет: «ни одним словом Собор не должен давать понять, что он признает отделение Церкви от государства... когда наша государственная разруха окончится, власть позаботится о восстановлении нарушенной правовой преемственности».

В. П. Шеин (впоследствии архимандрит Сергей): «возникает вопрос, как поставить свои отношения к государству таким образом, чтобы сохранить связь Церкви с государством, освященную веками. Для этого нужно определить, в чем эта связь заключается. Всего меньше я вижу эту связь в тех или других письменных законах, а теперь эти законы ниспровергнуты и за отсутствием суда лишены своей силы и содержания».

И будущее государство едва ли будет основываться на тех обрывках законов, которые где-либо случайно сохраняются. Не эти воспоминания о том, как когда-то относилась церковь к государству, не эти обрывки законов будут руководить государством в его отношении к Церкви. Связь Церкви и государства коренится в сознании, которое заложено в каждом из нас. Я думаю, что каждому из нас так же невозможно представить себя неправославным, как и нерусским человеком. Вот где связь между церковью и государством. Она в живом сознании, что каждый из нас — и с церковью и с государством. И вот, поскольку эта живая связь выразится в будущих законодателях, постольку определятся и отношения государства и церкви, как благожелательные».

В заседании одной комиссии при Ленинградском Богословском Институте я делал в 1922 году доклад о необходимости раздельности Церкви и государства. Я помню, что искренно не был понят ни председателем епис. Венедиктом Плотиным, ни моим главным оппонентом Огневым, который, считаясь с реальным фактом Советского декрета об от-

¹⁾ Деян. Соб. 1917 года, кн. VI, вып. 1-ый.

²⁾ Полн. Собр. соч. IV т., 124 стр. и след.

³⁾ Россия и Вселенская церковь, 1912, 43.

¹⁾ Вл. Андерсон. Старообрядчество и сектанство, 145 страница.

²⁾ Деяния, книга VI, вып. 2, 194 стр. и след.

делении Церкви от государства, в то же время полагал, что он—временный, так как связь Церкви с государством есть связь органическая. Здесь не случайная ненависть к новому политическому строю, здесь—лишь филиация до-революционного убеждения, что Церковь органически должна быть связана с государством. Это—повторение мыслей Победоносцева в его известном «Московском Сборнике»: «Нравственное начало едино. Оно не может двоиться, так чтобы одно было нравственное учение частное, другое общественное. Единое нравственное начало объемлет все отношения—частные, домашние, политические, и Церковь, хранящая сознание своего достоинства, никогда не откажется от своего законного влияния в вопросах, относящихся и до семьи, и до гражданского общества».

Революция спасительным своим вихрем разметала эти профессорские и политические томики, сбросив их в пропасть небытия. Но «бессмысленные мечтания» остались,—осталась тоска по союзу с государством.

Поэтому, если революция расплавляла металлические цепи, державшие Церковь в плену у государства, то остались еще следы этих вековых цепей на Теле Церкви, в самой ее душе. И обновленчество, которое делает внутренний принципиальный разрыв между Церковью и государством, совершает колоссальное апостольское дело. Вырвать Церковь из рук жадных, земных, слишком человеческих, вспоминая решение Ницше,—это еще для многих Церквей вопрос завтрашнего дня. Для обновленчества это вопрос вчерашнего дня,—и какое это благословенное, священное вчера!

Итак, Церковь, заслугой обновленчества, сделалась вне государства, мы приветствуем и принцип русского революционного сознания по религиозным вопросам, вылившийся в знаменитый декрет об отделении Церкви от государства.

Итак, Церковь, заслугой обновленчества, сделалась вне политической, или, точнее надполитичной. Церковь не солидаризирует себя ни с одной политической партией, Церковь не превращает себя ни в какую партию. Или, если уже угодно говорить о «партийности» Церкви, то Церковь—партия Христа. Все государственное—временное и относительное. Церковь—носительница вечного и безусловного. Все текуче и изменчиво в государстве. Все неизменно во внутреннем смысле этого слова в Церкви. Вечное—временное. Абсолютное—относительное. Безусловное—условное. Таковы антитезы Церкви и государства. Так ясно поэтому, почему не может быть Церковь в политике, почему Церковь и государство лежат, так сказать, в разных плоскостях, разноплоскостны. Но это не значит, что Церковь тем самым делается силой индифферентной в смысле том же политическом. Постольку под политикой мы разумеем строительство реальной человеческой жизни, постольку Церковь не может быть индифферентной силой. Ибо она есть дрожжи, согласно Евангелию, которые должны выквасить все тесто жизни. Поскольку Церковь не может солидаризировать, слить себя с определенной (той или иной) политической группировкой, она—вне политики. Так что, вернее говорить, Церковь вне политической партийности. Но Церковь обязательно принимает участие в реальной жизни. Иначе она теряет свое собственное лицо. Конечно, участие Церкви в жизни должно осуществляться совершенно своеобразными, церковными методами. Церковь ни в коем случае не есть механическая, внешне организующая сила. Поэтому и церковное переустройство жизни ни в коем случае не должно носить внешнего характера. Соблазн создать Церковное государство есть соблазн р.-католический, а не христианский. Гарнак, с блеском исторической документировки и логики религиозной, с несомненностью установил, что католическая церковь, это—та же рецептированная римская империя. Неудивительно поэтому, что папа имеет свой двор, дипломатическую канцелярию, а в прошлом—и государственные земли. Это—церковное государство, но не церковь. Церковь не может быть внешней силой. Христос это учил многократно и достаточно ясно. Поэтому мы отказываемся от всякой попытки внешне, церковно-государственно разрешать проблемы жизни. Но это ни в коем случае не есть отказ от попытки воздействовать на жизнь. Мы должны лишь действовать нашим церковным методом, а этот метод есть путь религиозно-моральной оценки, религиозно-морального указания. Это церковь и может и должна сделать. С высоты надмирного евангельского идеала, имея, так сказать, абсолютно-правильные перспективы, Церковь властно может и должна

указать пути жизни, одно благословить, другое—отстранить. Если не так, то Церковь превращается в какую-то область мистического квиетизма, фатализма, прострации, если угодно, дурмана. Но Церковь, как я буду указывать еще дальше, есть движущая, влекущая за собой религиозно—моральная сила. Обновленчество, памятуя этот религиозно-моральный—указующий характер Церкви, на Соборе 1923 года провело религиозное принятие правды социальной революции.

В этом моменте видят наиболее слабое место наше. А между тем, наоборот, здесь как раз наибольшая мощь, наивысший пафос, наибольшая историко-церковная заслуга обновленчества.

Существует страшный конфликт между религиозным и революционным сознанием. Фридрих Энгельс заявляет: «первое слово религии есть ложь». А отец коммунизма Маркс категорически утверждает: «Понятие Бога необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизации».

Любопытны также следующие строки из труда Баха: «The Religion of Socialisme»: «было бы бесполезно отрицать факт, что в настоящее время высшее нравственное чувство оскорбляется христианским учением более, чем в свое время совесть первых христиан оскорблялась сатурналиями в культе Прозерпины».

Нитцше в «Антихристе» пишет, что Новый Завет есть самая грязная книга, которую он читал, что надо одевать перчатки, читая его, чтобы не запачкаться.

Почему?—в недоумении спрашивает себя верующий.

И ответит Э. Вандервельде: «потому, что церковь заключила союз с золотом». А. В. Либкнехт добавит: «христианство есть религия частной собственности и знатных людей. Христианская Церковь оправдала все то, что Христос запретил». Это—слова не только политических деятелей. Это, между прочим, объективное заключение ряда выдающихся исследователей христианской истории: Гольцмана, Ульгорна, Пфлейдера Вейцекера и ряда других¹⁾. Естественно, что у тех, кто борется с социальным злом, создается глубоко отрицательное отношение к соглашательской религии, при чем отрицательное отношение сказывается даже в суждениях о первичном христианстве, учение которого, например, Энгельс объявляет «самым обыкновенным вздором». А Бебель в «Christentum und Socialismus» называет христианство «религией ненависти, преследования и угнетения, стоявшей миру более крови и слез, чем какаля-либо иная». И вот Аксельрод в «Философских очерках» требует замены христианства здоровым и светлым языческим духом наслаждений, исчерпываемых земным бытием». Создается новый идеал на место христианского идеала. О нем Дидген²⁾ говорит: «наш идеал не бедность, не воздержание, а богатство, и богатство неизмеримое. Неслыханное богатство—это реальное осязательное благо всего человечества, его святых, его святая святых; на овладении им, добавляет Дидген, построены все наши надежды».

Можно было бы привести еще множество подобных иллюстраций, но остановлюсь на сказанном. Основной лейтмотив всех отрицателей христианства с точки зрения практического преодоления социального зла, может быть формулирован опять-таки словами Энгельса, по которому религия является «величайшей консервативной силой». Человечество выдвигает, вместо этой консервативной силы, новое понимание жизни, разорвавшей с гнетом старо-преступных заветов. Ряд мыслителей зажигают яркие огни. Ренувье бросает лозунг свободы: «социальный прогресс должен измеряться только количеством индивидуальной свободы, представляемой и ценимой в данном обществе»³⁾. Прудон, в противовес христианству, утверждает принцип рациональности, справедливости⁴⁾, на основе которой должна быть реорганизована жизнь. Проповедует иммориализм Ницше, выставивший человека, как «чудовище и сверхживотное»⁵⁾. С разных сторон несется энергичный протест против христианства, этой

¹⁾ Pfeleiderer, Urchristentum. Weizsäcker, Apost Zaltaler. Uhlhorn Die christliche Lie bestätigkei enader alten Kirche H. Holtzmann. Die ersten Christen und die soziale Frage.

²⁾ См. Дидген «Завоевания философии» и «Религия—социал-демократии».

³⁾ См. статью Дарлю о Ренувье в «Etudes sur la Philosophie Morale au XIX—ème siècle».

⁴⁾ Прудон. La Justice dans la Revolution et dans l'Eglise 1857,—58 vol 1 p. 35.

⁵⁾ Ницше. Werke XV. 479.

религии соглашения с несвободой, неравенством, несправедливостью, обыденщиной, серостью повседневно безрадостного бытия... Наконец, в наши дни победоносный коммунизм решительно рвет с христианством, с какой бы то ни было формой религии. Попытка Хеглунда примирить коммунизм и религию, если религиозники революционно настроены, как известно, встретила энергичный протест РКП. Об этом Е. Ярославский пишет: «под статьей Хеглунда обоими руками подписались бы не только глава древне-апостольской церкви протоиерей Введенский, но и вся древне-апостольская, обновленческая, живо-церковная братия»¹⁾. А нас, как известно, в РКП не примут, как религиозников,—компартия отвергает всех церковников, как таковых.

Итак, революция не приемлет никакой церкви. Во всякой Церкви революция видит неприемлемую идеологию. Об этом пишет в «Безбожнике» (№ 20 от 23 года) тот же Ярославский: «живоцерковник прав, когда он осуждает тихоновщину, контр-революцию, когда он стремится установить признание законов Советского государства. Но пролетариат этим нельзя подкупить. Задача безбожников—бороться со всякой религией, со всякой религиозной организацией, разоблачить всякие защитные одежды и показывать истинное лицо всякого духовенства. Бунтующая, рвущаяся мысль неверия отмечает христианство как соглашение со всем тем, что Христос на самом деле запретил. Вот почему обновленчество, напомнивши миру, что на самом деле Христос уже давно запретил, то, против чего идет современная воля, сделало колоссальное апологическое завоевание.

Знаменитая формула Собора 1923 года: «капитализм есть смертный грех», положила массовый, коллективный, благодатный предел всем фальсификациям Христовой истины. Нет, не Бог установил разделение людей на богатых и бедных, как кощунственно осмеливается богохульствовать папа Лев XIII в знаменитой своей майской энциклике 1891 г.: «*Regim povagim*». Нет, социализм и коммунизм, зовущий к преодолению этого сатанинского неравенства, не есть «самая ужасная тирания», как обзывает коммунизм Мартенсен²⁾. Нет, к нравственной правде социальной жизни взметнула свои красные знамена русская революция. И, благодатно движимое обновленчество, устами богодухновенного Собора 1923 года, благословила этот порыв. Это сделано не из мимикрических соображений. Это мы сделали не для них, не нуждающихся и не верящих в наше благословение, это мы сделали для церкви, которая лжевождями была вброшена в тьму приспособленчества, к мировому злу всечеловеческой неправды. Отныне Церковь—русская Святая Церковь—не повинна в оправдании страшнейшего зла современности. В этом—центральной заслугой обновленчества. В сущности, мы еще мало осознали этот кульминационный момент обновленческого подвига. Русская церковь это сотворила. В этом ее призвание. Русская Церковь нашла свое лицо. Оно не в том, чтобы поддерживать пьяно-глупую морду Романовых, не в том, чтобы сокрушать во имя религиозных моментов германский империализм, как это вещал в годы войны Сергей Дурылин (символическая фамилия!)³⁾ и прочие остроумцы, не в чем земном, человеческом, относительном. Ее обязанность, Богом возложенная, в годы всеобщего христианского распада, вызванного забвением историческими церквями подлинного лица и духа и заветов Христа, снова, как бы во второй раз, явить миру Христа. Но Христа Германского⁴⁾, русского или другого националистического, религиозного Сверхгероя, но Христа—Вселенского, уничтожающего, сжигающего в огне любви все национальные перегородки. Поэтому и христианство, по своему существу, враждебно национализму, патриотизму, патриотизму государственному и патриотизму классовому. А между тем, отдельные религиозные организации хотя и во что бы то ни стало видят Христа именно католического, капиталистического и т. п.

¹⁾ Ярославский. На антирелигиозном фронте. 1924 г. 66 стр.

²⁾ Г. Мартенсен. Христианское учение о нравственности. 2 изд. 1915 г. 231 стр.

³⁾ С. Дурылин. Лик России. Великая война и русское призвание. 1916 год.

⁴⁾ Реймер в своей книге „Ein Pangermanische Deutschland“ антропологически и филологически доказывает, что Христос был Германец ибо 1) он был физически совершен, а лучшая физическая раса—германская 2) Его звали *Iesus*—равнозначное филологически—*german*. Следовательно, Иисус был германец. С этим развее сравнится уверенность тихоновца (рядового), что все святые говорили по-русски и возмущавшегося напоминанием, что Христос—иудей.

Освобождение Христа от национальных об'ятий, от профессиональных алтарей и от капиталистических золотых цепей—вот величайший дар любви, которое обновленчество положило к подножию Вселенского престола Вседержителя. Христос—освободитель, реальный, революционный от этого зла.

Христос—осудитель всего мирового современного зла.

Это—священнейшие лозунги обновленчества. Это, если угодно, новый догмат веры и жизни Церкви обновленчески-очищенной. По Собору 1923 года, по его основным идеологическим моментам, должны равняться все грядущие Соборы иных автокефальных Церквей. По нему должен строиться и грядущий Вселенский Собор. Иначе идея христианства не будет спасена во всемирном масштабе. Но—*ex oriente lux!* Благословен Бог, во вселенском религиозном центре—Москве—зажегший факел обновленчества! Осуждение капитализма есть апостольский, да, воистину, равноапостольский подвиг обновленчества... Здесь не политический момент (не взирая на видимость политических декораций), но религиозный,—подлинно и действительно религиозный. В осознании своей религиозной сущности—залог дальнейшего правильного развития обновленчества. Обновленческое движение должно осознать свою внутреннюю религиозную сущность. Его смешивают с сектантством, упрекают в догматических заблуждениях, в формальной ереси и т. д. Нужно раз и навсегда положить этому предел. Обновленчество есть православие. Это—простая, короткая, но,—увы!—не для всех ясная формула. А между тем другой и нет и быть не может. И мы должны со всей решительностью этой формулы держаться, нимало не боясь упреков ни с той, ни с другой стороны,—со стороны левых, со стороны правых. Я сейчас раз'ясню, в чем дело. Но, прежде всего, я хочу объяснить философские методы, по которым оправдывается наша психология суровости и беспощадности в деле отстаивания нашего принципа религиозного миропонимания, на снове которого мы цепко держимся этой формулы: обновленчество есть православие. Ригоризм в области формулы есть само собой вытекающее следствие обладания истиной. Истина всегда точна. Истина—там, где точность доведена до степени абсолютности. Мир неограниченной жизни характеризуется числами,—там владычеству математика. Математические формулы паутиной неразрываемой охватывают все материальное бытие; в математических формулах осуществляется нигде не нарушаемая «закономерная непрерывность вселенной», по выражению проф. В. Феттера¹⁾. Отыскивание этих формул, точных до абсолютности, является и задачей всей науки, как это справедливо указывали в свое время еще Огюст Конет. Борьба за формулу есть борьба за практическое преодоление противоборствующих средостений: покорение стихий и т. д. Инженер должен найти совершенно точные формулы, прежде чем построить мост. Расчет чертежей должен быть сделан с математической законченностью, иначе, по неточным чертежам построенный, мост рухнет, и страшная катастрофа может увенчать ошибочность формулы. Здесь—борьба за догмат,—формула математики есть догмат математической истины. Здесь математическая ересь может повлечь за собой совершенно реалистическую катастрофу. Шпенглер²⁾ прямо говорит: «современная механика есть точь в точь сколок с христианских догматов». Конечно, здесь замечательный парадоксалист наших дней устанавливает, может быть, связь вещей неполно точно, но, во всяком случае, догматический характер современных математических истин не подлежит сомнению.

В области религии мы вправе искать, находить и фиксировать те же самые (того же, точнее, порядка) истины, формулы, догматы.

Мы должны со всею решимостью отстаивать наш взгляд на религию, как на нечто, совершенно аналогичное науке. Правда, наука и религия несвязаны и несводимы одна на другую, но, в то же время, и наука и религия есть постижение бытия, реальносущего, и наука и религия постигают это существо одинаково правомочно и одинаково точно, истинно. Религия, в конечных достижениях, идет дальше науки, но процесс постижения (точное—осмысления), осознание полученного, в своем существе—один и тот же.

¹⁾ В Феттер. Современное мировоззрение. 1911—31 стр.

²⁾ Закат Европы, 404 стр.

Нет противоречия, взаимоисключения между верой и знанием. С научной точки зрения, попытка установить это органическое расхождение веры и знания Кант.

Знанию принадлежит то, что непосредственно воспринимается человеком, «вследствие того, что предмет известным образом действует на душу»¹⁾, основой постижения, таким образом, является опыт. Но, ведь, и в основе религии лежит именно опыт. Правда, Кант, считал и сверхъестественное откровение положительных религий и сверхчувственную способность восприятия мистиков и представителей философии чувства — воображением или, в лучшем случае, — мечтательностью. Но ошибка Канта вне всякого сомнения. Ведь, мы веруем на основании свидетельства нашего внутреннего опыта, но в наши дни величайший комментатор Канта Коген²⁾ утверждает, что все наше знание, что весь состав нашего сознания складывается из психологических элементов, что даже, так называемый, внешний опыт состоит из внутренних процессов. Религиозный внутренний наш опыт совершенно аналогичен опыту химическому или физическому. Здесь — такая же реальность. Вот почему я вполне согласен с определением Шпенглера атеизма, «как совершенно непонятного в своих последних основаниях и исторических условиях феномена». Я также совершенно согласен со Шпенглером, утверждающим, что атеизм «прекрасно уживается с живой страстно ожидающей потребностью в истинной религиозности»³⁾. Действительно, атеизма по существу, не может быть так же, как не может быть принципиальной ахимии, афизики. Коль скоро есть материя, то есть и физика и химия, изучающие эту материю. Возможно не принимать те или иные физические или химические теории, но нельзя отрицать самое постижение материи, данной нам в опыте, чрез науки, именуемые физикой и химией. Так — и в области религиозной. Коль скоро Бог открывается в области духа, то атеизм, принципиальное отречение Бога, уже невозможен, ибо Бог дан в опыте. Можно не принимать те или иные теистические системы, но не Самого Теоса, вот почему атеизм научно невозможен. И я здесь разумею данность Бога не в понятии, логическом ракурсе, но в непосредственной близости. Современная католическая мысль (Гутберлет) полагает, что Бога можно обосновать логикой, «диалектикой», как говорил еще католический мыслитель эпохи XI века Беренгар Турский (999 — 1088). Впоследствии эта католическая тенденция начинает крепнуть. Абельяр (1079 — 1142) и его школа утверждает, что верить можно только в недоказуемое, хотя разум и может обосновывать веру, но не во всей ее укреплённости. Наконец, Фома Аквинат, это — «ангельский доктор» (1227 — 1247), к неизбежности научно-философского авторитета которого взывает современный папизм (Лев XIII), ученик языческого Аристотеля, — хочет овладеть Богом уже целой сетью логических кунштюков. Здесь — и постижение Бога по дороге причинности (Бог — Первопричина) и прочие песенки «света естественного разума». Интеллектуализированный Бог — это Бог католицизма, о котором еще Достоевский сказал, что оно — хуже язычества⁴⁾. Соблазн постичь Бога только интеллектом, при чем здесь якобы заключается полнота этого постижения, может быть под бессознательным влиянием той же аристотеле-томистической мысли, разделяет и ряд философов, биографически иногда абсолютно не связанных с католицизмом (например, Спиноза). Отсюда — знаменитые логические доказательства бытия Божия, и из них на первом месте — онтологическое доказательство Ансельма Кентерберийского (XI в.), которое у него самого сформулировано так: «то, выше чего нельзя ничего помыслить, не может находиться только в мышлении. В самом деле, если бы то, выше чего нельзя ничего помыслить, находилось только в мышлении, то в таком случае можно было бы помыслить нечто более высокого, чем то, выше чего нельзя помыслить, именно то, что обладает этим свойством также в действитель-

ности. Итак, без сомнения, то, выше чего нельзя помыслить, существует и в мышлении и в действительности».¹⁾ Спиноза и Лейбниц дают нам замечательные системы Бога на аналогичных основаниях мысли. В действительности же все эти теории не научно обосновывают и раскрывают нам Бога, но (как это прекрасно показали ленинградские: Ал. Ив. Введенский, мой тезка и однофамилец, и Ник. Он. Лосский — уважаемые и дорогие мои университетские профессора) — дают новую догматическую веру, квази-научного стиля. Одна вера заменяется другой, — вот и все. *Circulus vitiosus* — порочный круг. Нельзя думать, что amor Dei intellectualis (Спиноза), великий и могучий интеллектуальный инстинкт, дорвут нас до неба и Бога. Пути рационализма это не пути религии. И недаром сам Христос не дал нам никакой рационалистической системы Бога. Но если у нас нет этого пути, если здесь мы вступаем в область схоластики в дурном смысле этого слова, область царистской семинащины, то это не значит, что мы отказываемся от реального постижения Бога. Наоборот, отказ от силлогизации Божества есть привлечение сознания к иному, уже воистину реальному, постижению. Бог не познается силлогизмами, как не силлогизмами постигаем мы, скажем себе, электроны.

Религия есть мистический факт. Мы Бога можем переживать чувством, в частности, чувством любви. Как свидетельствует Св. Тереза в своем собственном жизнеописании: «я чувствую, что моя душа воспылала горячей любовью к Богу, и эта любовь, несомненно, сверхъестественная, потому, что, как загорелась она во мне, я не знаю, но я сама ничего не привнесла сюда от себя»²⁾. Это постижение Бога через любящее сердце совершается лишь при известных условиях, о которых великий мистик — сапожник Яков Бёме в своей «Авроре» (XVIII) так говорит: «закрой здесь немного твои плотские глаза, ибо они здесь тебе ни к чему непригодны, будучи слепы и мертвы, но открой глаза твоего духа, и я истинно покажу тебе творение Божие». Здесь нет самостоятельности человека, здесь пужна Промыслительная Десница. «Человек, говорит мистик Сен-Мартен, находится в столь несчастном состоянии, что не может не только достигнуть цели, но даже и ступить шага на этом пути, если совсем иная, нежели его, рука не откроет ему входа и не поддержит его во все время пути»³⁾.

Познание Бога интуицией, чувством есть путь, указанный Самим Христом. Он осудил тех, кто приближается к нему устами только. Уста, слова (logos — слово, разум), разум, силлогизмы, наука, философия — здесь можно найти только «задняя» Божества. А сердце приводит, по Евангелию, к самому Богу. Сердце: чувство, интуиция. В научной литературе за последние десятилетия появился ряд работ, детально изучающих этот путь Богопостижения: таковы работы Джемса, Старбека, Леуба, Ресежака, Грассери, Муртсье и др.⁴⁾.

С этой точки зрения, и христианство является не только историческим, но и мистическим фактом. Это отлично выражает Штейнер в труде «Христианство, как мистический факт, и мистерии древности», говоря: «Христианский мистик говорит — я возвышаю мою внутреннюю глубину до божественного созерцания; свет же, делающий для меня возможным такое созерцание, дан в явлении Христа. Через Него я могу подняться к высшему». Таким образом, основой Богопостижения является опыт. Здесь — полная аналогия с опытом естествознания. Конечно, здесь у нас иные методы познания, но ведь и в естествознании нельзя астрономически изучать бактерии и микроскопически — акустику. Всюду — своя методология познания при одном условии, делающем знание знанием, — упирании в непосредственную гущу восприятия, в опыт. Имея этот опыт, мы на нем уже строим формулы этого опыта. Схоластика начинается с обратного: формула там себе довлеет, из первичных формул, висящих в эмпирической пустоте, строят целые здания, воистину на песке зыбимые. Божество так же нельзя разложить на формулы, как живое тело — на атомы. На атомы распадается труп, зловонный, по-

¹⁾ Критика чистого разума, перев. Лосского. 24 стр. и след.

²⁾ Cohen, Kants Theorie der Erfahrung, s 203.

³⁾ Закат Европы, 441 стр. Шпенглер указывает на дневники Гебеля и письма его к Элизе. Гебел не верил в Бога и молился.

⁴⁾ Во что в конце концов вырождается все математически измеряющая мысль католицизма, — показывает работа „Franz Schuppe“ „Die Lehre vom Fegfeuer“ где он устанавливает, что, в среднем, человек грешит в размере 60,000 грехов, за что будет в чистилище мучиться 3 года, 3 месяца и 15 дней. А д же, как устанавливает проф. Акад. в Мюнстере Иосиф Bantz, см. его „Die Hölle“ 2 Aufl. 1905, — находится в центре земли, а вулканы — трубы дьявольской печи.

¹⁾ Об истории и смысле онтологического доказательства см. замечательную книгу С. Л. Франка „Предмет Знания“ (приложение).

²⁾ Vie de st. Térèse écrite par elle-même, chap XXIX.

³⁾ Сен-Мартен. „О заблуждениях и истинные“ Москва, 1785 год.

⁴⁾ J. Leuba A. Study in the psychology (American Journal of Psychology April, 1896); E. Récéjac, Essai sur le fondements de la connaissance mystique 1896 E. D. Starbuck, The Psychology of Religion 1899; Murtsier Les maladies du sentiment religieux, 1901.

тому что мертвый. И разложенный на атомы—мысли, Бог не есть Бог живой и Неизреченный. Поэтому то, со всей возможной решимостью, протестуем мы против схоластики веры. И в то же время мы не впадаем и в спенсеровский религиозный агностицизм. Здесь надо бояться Сциллы всезнания и Харибды немогузнания. Средний, золотой путь истины заключается в обладании религиозным опытом и, более или менее, гипотетической (Тусклое стекло Павла!) интерпретации опыта. При этом углубление опытом тем самым вызывает и уяснение теоретических моментов Богопознания. Одно обуславливает другое. Полнота опыта превращает гипотезу в аксиому.

Церковь обладает различными опытами. Опыты одиночек, пусть очень почтенных (святые) и все же гипотетических, подходов к Богу, и опыты всеколлективный, соборный, всецерковный—здесь полнота возможного для человека опыта и полнота резюме этого опыта—аксиомы, формулы, догматы. Соборное—вселенское сознание Церкви, опыт, руководимый Самим Духом («изволися Духу Святому и нам») дает чеканные религиозно-математические догматы—формулы истины Богопознания. И то, что здесь добыто, то добыто до конца. Здесь нет нюансов полустины, здесь нет теней человеческого домысла. Здесь—сверкающие алмазы абсолютной достоверности. И здесь мы не можем отступить ни на йоту. Это так же немислимо, как математика просить условной истиной считать, дважды два—четыре.

И здесь обновленчество—эта стрела математической тоски по Богу—не уступит и 0,001 части истины. Пусть упрекают в отсталости. Здесь надо все, воистину, оставить,—какие угодно культурные и либеральные популярности и привилегии, чтобы не отступить от Христа—Истины.

И обновленчество со всей решимостью принимает догматику Церкви, не дерзая подправлять то, что находится в свете Абсолютной достоверности.

Мы, прежде всего, должны ясно осознать, что только христианство действительно является единственной мировой религией истины. В наши дни именно существует благочестивый соблазн поставить христианство в ряд и разряд целого ряда других религий, которые здесь так и называются «мировыми»—религиями. В наши дни Шюре пишет книгу: «Великие Посвященные», где Христос низводится в число других «великих посвященных», делается одним из религиозных гениев. В наши дни христианство должно соперничать с другими религиями, которые хотят сменить и заменить христианство. «В последнее время душа человечества, пишет М. Булановский (Бэганты), точно пробудилась от долгого сна: всюду и везде, в старых мшистых оградах своих церквей и еще более вне их, народы ищут Бога, ищут светлых путей к братскому единению. Глубокие религиозные народные движения... развиваются всюду: в Персии и в Индии, и в Японии, и в России, и в С. Америке, и в Зап. Европе...» Все это—попытки устроить религию без Христа. Сейчас в Персии, Америке, России, (Туркестане) и т. д. развивается учение Бега-Улла, соперника Христа. Сам Бега-Улла сказал: «Вы утверждаете, что я—Бог и что нет другого Бога,—вы правы»¹⁾. И сколько находится людей, которые верят этой абсурдной чуши!.. Один из главных представителей бабизма, Аббас-Эффенди, путешествовал по западу с проповедью единства всех религий, братства людей и т. п. трюизмов. Он выступал в Марселе, Париже, Лондоне, С. Америке. Его слушали, восторгались, обращались. Бабизм имеет свою литературу²⁾ на разных языках, развивается, живет. Он, конечно, отрицательно относится к христианству, приравнивая его к учению «Святейшего из сынов Персии, и просиявшего над миром светом божественным» с явным уклоном в пользу этого гражданина с горы Кармень.

А теософия?! Этот лукавнейший и гнуснейший поход против христианства?! «Мы,—вещают нам,—ожидаем Великого Мирового Учителя. Мы верим в его пришествие, потому что всюду кругом видим признаки его приближения»³⁾. Мечтатели и дамы составили специальный «Орден Звезды на Востоке», эту церковь Грядущего Учителя, о которой и о котором адепты этого учения достаточно высокого мнения: «многообразны пути его пришествия, и наш орден—самое ве-

ликое доказательство тому. Наша весть передается словами, но за словами скрывается реальность, ибо мы провозглашаем то, что есть... И шаг за шагом, постепенно, приближается великая заря его пришествия. Оно подготавливалось веками, но теперь оно начинает осуществляться. Если бы только мы ему содействовали, если бы только мы шли быстрее, то увидели бы, что по мере того, как мы говорим о нем людям, и он ускоряет шаги»²⁾.

Так что даже активная церковь создается, со всей аскетикой и т. п., явно и ясно (хотя и с достаточно неумной попыткой маскировки) отводящая от Христа. Я не упоминаю о развитии на западе буддизма, антропософии и т. п. Все это звенья одной и той же цепи—прочь от Христа! Христос устарел! Христос—один из многих!.. А между тем серьезные исследователи в наши дни категорически утверждают, что только христианство является мировой религией. Так, Гэстингс³⁾ утверждает, что в христианстве нет того национального момента, который так характерен для буддизма и ислама, притязаний на роль мировых религий. В самом деле, буддизм—это монашеская система, отражающая в своем задании и методе пессимизм индийского темперамента. Ислам также, очевидно, связан с особенностями арабской мысли и жизни арабов. Христианство,—полагает Гэстингс,—одно отвечает на запросы души человеческой, как ни одна религия. Христианство может быть приспособлено к самым различным условиям жизни, как ни одна религия. Это—единственная религия, которая может быть названа мировой в собственном смысле слова. Правда, можно указать, что иудаизм и ислам так же монотеистичны, как христианство. Но не надо забывать, что правоверное ортодоксальное иудейство связано с национальными обычаями. Ислам, несомненно,—упадочная моральная концепция Божества. Пытаются роднить буддизм с христианством, указывая на идею искупления, свойственную обеим религиям. Но буддизм есть признание физического зла и попытка освободиться от него усилиями самого человека без Божественной помощи. Буддизм, по Гэстингсу, Бога не знает вообще. Христианство, наоборот, признает моральное зло, как причину человеческого несчастья. Оно есть религия искупления через Христа в Боге, через благодать Господню. Словом, несводимость христианства к роли одной лишь из многих, аналогичных (и чуть не идентичных) религий несомненна.

И мы всемерно должны подчеркивать эту сугубую оригинальность христианства.

Представление о каком-то неизбежном синкретизме¹⁾ религиозных организаций и идеологий, будто бы вызываемом особыми условиями современности, намерение создать какой то единый, объединяющий всех религиозных людей союз, религиозный надконфессиональный интернационал, в который войдут, на равных правах, все религиозники,—такое представление обновленчество должно всемерно отменить.

Мы должны твердо осознать, что христианство есть не только оригинальная религиозная система, но и что оно есть религия религий, сверх-религия.

И основные принципы христианства с такой яркостью оправдываются современной научной мыслью, что лишь невидящий и неслышающий не в состоянии видеть, понять сверхестественный характер нашей священной веры...

Первый принцип христианства есть признание Божественного начала.

Религию в наши дни хотят свести на систему экономических взаимоотношений. С этой точки зрения прав Росси, утверждающий, что религия есть—«флирт с Богом», т. е. нечто в высокой степени несерьезное. Вся религия есть волшебное отражение в зеркале фантазии механизма социальных взаимоотношений. Конечно, это—совершенная неправда. Несомненно, что в деталях исторических религиозных концепций можно отыскивать отражение социально-политических моментов данной эпохи. Так, некоторые исследователи находят аналогию между византийским двором и представлением о небесном мире у богословов той эпохи. Но, если даже мы согласимся, что кое в чем эти исследователи и правы, то здесь затрагивается именно только одна деталь. Существо проходит вне этих экономико-материалистических сетей.

¹⁾ Там же, 29—20 стр.

²⁾ Hastings, Encyclopaedia, t III, of Religion and Ethics.

³⁾ Бутру повторяет снова мысль Беме о птицах в лесу, славящих Бога каждая по своему, и Бог не оскорбляется этим разногласным хором. Так и наши разномыслия о Боге. Наука и религия, 297 стр.

¹⁾ М. Булановский. Бэганты. 1914, 53 стр.

²⁾ См. работу о бабизме Изабеллы Гриневской.

³⁾ С. Джинараджадаса. Пришествие мирового учителя, 1917 г., 3 стр.

Идея Божества, Верховного начала мира, прирождено человеческому сознанию и, при всех модификациях экономических взаимоотношений, остается неизменной в своем существе. Шмидт в своей работе «Возникновение идеи Божества» (*Der Ursprung Gottesidee; eine historisch-kritische Studie*—1912 г.) полагает, что идея Высшего Существа зародилась в своей полной ясности и силе еще в древнейшие исторические времена, и что анимизм, поклонение предметам волшебства и т. д. появились в результате ослабления и затмения первоначальной чистой идеи Божества. Как известно, Макс Мюллер тоже является сторонником изначальности монотеизма в древнейших стадиях человеческой истории.

Здесь мы видим совпадение учения Библии о том, что первоначальное единобожие выродилось, в процессе грехопадения человечества, в многобожие—язычество¹⁾.

Это учение о Едином Боге—Вседержителе и Всетворце—в наши дни может быть подтверждено рядом естественно-научных данных. Современная наука устанавливает нам единство плана бытия. Прежде всего, современная наука подходит к признанию унитарности, как выражается Астон, строения материи. Еще в 1815 г. Проут предположил, что атомы элементов являются агрегатами атомов водорода. Спенсер, этот выдающийся философ и естествовед, снова ставит впоследствии перед научным сознанием первоединство материи. Работы ряда ученых оправдали эти априорные требования. Томсон указывает на электричество, как на ключ к пониманию существа материи. С этим соглашается большинство современных ученых, хотя в самые последние дни Льюис предлагает понимать материю как магнитное явление. Большинство, однако, ученых принимают электрическую теорию Э. Резерфорда, по которому атом материи²⁾ состоит из центрального массивного ядра, имеющего положительный заряд и окруженный на расстояниях, больших сравнительно с его диаметром, системой планетарных электронов. По системе Бора, электроны, находящиеся вне ядра, пребывают в состоянии непрерывного движения вокруг него, подобного движению планет около солнца³⁾. По предложению Астона, в основе бытия (материального) лежит «простой более или менее нейтральный электрический газ»⁴⁾.

Итак, основой всего сущего является единая материя, разделяющаяся на 29 элементов, из которых и выстроено все мироздание. По наблюдению Ферсмана⁵⁾ и ряда других ученых, самый порядок распределения элементов во вселенной приблизительно одинаков. Так, всего больше в мироздании железа, а золото и др. благородные металлы, являющиеся на земле редкостью, не часты и на всех других небесных телах. И самый масштаб постройки мира, так сказать, одинаков. В 1916 г. знаменитый астроном Эддингтон объяснил, почему неподвижные звезды обладают примерно одинаковыми массами. Оказалось, что звезды обладают, в большинстве случаев, максимальной возможной величиной (не превышающей однако, массы в 10^{34} грамм). Продолжительность жизни определяется для светящихся солнц приблизительно десятком тысяч миллионов лет⁶⁾.

Далее, эта единая материя, приблизительно одинаково расположенная (порядково и объемно) в мироздании, вся подчинена закону чисел. Математика царствует в мироздании. Что такое математика? Кант видел в ней завершающую, идеальную научную дисциплину. Шпенглер утверждает, что математика есть искусство. Не будем вдаваться в длительные споры... Математика есть отражение порядка мироздания, фотографический снимок, план материального бытия. И какой здесь всесовершенный, до иоты и иоты иот, рассчитанный порядок!..

Нет возможности беспорядка в мировой машине. Она слажена по единому плану, из единого материала. Всюду единый математический принцип... мысль рвется к заключению сама собой—Единым Строителем. С точки зрения придиричьей критики разума, как показал это еще Кант, вполне возможно от планового устройства бытия умозаключить к Устроителю⁷⁾ мира. Плановость бытия, отсутствие в нем слу-

чайностей, открытие в нем законов математики, вопреки мнению Леба¹⁾, полагающего, что эти законы свободны «от метафизических представлений», приводит нас к метафизике, которую не надо понимать как противо-физику, а именно «за физику»²⁾.—после физики мысль не останавливается, а идет дальше, за физику, разрушая условный забор, за который некоторые ученые не хотят пускать свободной человеческой мысли. Бутру в своем замечательном труде «Наука и религия в современной философии» совершенно верно говорит: «Религия не представляется уже больше за произвольную концепцию, терпимую, может быть, теоретически наукой, но не имеющей к ней отношения: наука сама ищет ее, не создавая этого. Таким образом, тогда как наука свободно раскрывается по собственным принципам, религия знает, что ее утверждения, в их общих принципах, соответствуют научным постулатам». Мысль, постижение идет одним путем. Путь физического исследования приводит нас к определенным аспектам на бытие, религия ведет дальше—как сказал Ричль: вера видит дальше и глубже. Современное естествознание дает нам математически законченную картину, план бытия. Испытующая мысль, руководимая магнитной стрелкой религиозного чувства, находит конечный и исходный момент—Центральную Звезду Бытия—Бога. Здесь логика дополняется чувством. Нужно сверлить серостную поверхность бытия рентгеновскими лучами веры. И серое станет иным. Это—как сказано у Фета:

«Оглянись—и мир вседневный
Многоцветен и чудесен».

Или—у Новалиса: «только от слабости наших органов и нашей слабой возбудимости происходит то, что мы не видим себя в волшебном мире». И в нашем сознании, обостренном вниманием, которое является необходимым условием постижения вообще, как это открыл Н. О. Лосский и еще раньше Дж. Рескин (для области религии), вспыхивает ответ на вопрос—кто этот Устроитель жизни. Скажем ли с Кантом—дальше мысль не смеет идти, или, в согласии с некоторыми замечательными логиками, пойдем и найдем? Так, Шуппе³⁾ утверждает, что нередко, мы без всякой индукции непосредственно узнаем причины наших чувственных восприятий. Шуппе же полагает, что мы в сознании имеем дело с непосредственным усмотрением необходимой связи, которая дана нам (надлогически) в акте восприятия. В своем сознании верующий человек находит этот, узаконяемый современной гносеологией, ответ на природу, на исток своих религиозных переживаний. Верующий человек постулирует Бога в плане бытия и констатирует Его в своем сознании. Таким образом, единство познания всей целокупности бытия разрешает основную проблему бытия. Бытие зиждется на своем Абсолютном Принципе, на Боге (Божественное—*Gottheit*—мистиков). На аналогичной точке зрения стоит Оливер Лодж, известный английский физик, который утверждает, что вере, религии, мистицизму «должно отвести соответственное место, хотя его отношение к науке пока еще не установлено, они не согласны между собой и не имеют связи, но между ними не должно быть вражды». Оливер Лодж допускает научную возможность чуда, о чем он достаточно убедительно пишет в своей книге «Жизнь и Материя».

Необходимое соотношение науки и религии устанавливается при сознании наукой ее ограниченности: «Цель науки—описание, а не объяснение явлений природы», совершенно правильно замечает Густав Кирхгор в своем: «Физическом Обзрении». Религия ведет дальше и устанавливает то, что наука только прощупывает.

Но признание Богоначала в мироздании есть первая часть христианской концепции. Встает другой вопрос—каково отношение Бога к миру? И отвечает (Сологуб):

«Не хочет жизни Бог—и жизнь не хочет Бога». Надо поставить в связь Бога и жизнь⁴⁾. Открывался ли Бог в исто-

1) Lowndes The historical Truth of the Book of Genesis A. Study problem of the Pentateuch, vol I.

2) E. Rutherford, Phil. Mag 41.669—1911.

3) Bohr. Phil. Mag. 36—1913 Cp. Sommerfeld. Atombau und Spektrallinien 1921.

4) Астон. Изотопы 1923 год, стр. 122.

5) Химия мироздания 1924 г.

6) Нернст. Мироздание в свете новых исследований, 1923 г. 30 ст.

7) Не творцу,—делаем эту уступку Канту.

1) М. Ж. Леб. Вынужденные движения, тропизм и поведение животных, 1924, 5 стр.

2) Таково происхождение этого термина: у Аристотеля после его «физики» помещен ряд очерков, которые не носили определенно заглавия, почему их и называли—*meta*,—то, что лежит после, за физикой—в чем нельзя не видеть метафизического момента (см. текст).

3) Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, 75 стр. См. его же. Erkenntnistheoretische Logik.

Pfüger Die Religion der Modernen; Ders—Moderne Glaube; Klemmer Theologie und die moderne Welt.

рии? На этот вопрос надо отвечать не принципиально, философически, как это мы делали только что выше, но конкретно—реалистически. Надо искать Бога в истории. Мы его находим в Христе». В нем, как говорит Лоофе в работе «Кто был Иисус-Христос» (2-е немецкое издание, 1922 г.), Бог привлекает к Себе человека всесовершеннейшим и всеобъемлющим образом».

Это непереносно многим. И нет, нет Его вовсе!—отвечают они нам иступленно. Христос исторически не существовал,—вот лозунг многих в наши дни. Многократно мне приходилось высказываться по этому вопросу. Я бы хотел и сейчас несколько задержаться на нем. И чтобы нам была понятна аргументация этих отрицателей историчности Христа, я проанализирую ход рассуждений одного из них. Я останавливаюсь не на надоевшем и несерьезном Дреусе, а на другом—Фридрихе Штеуделе¹⁾ и его исторической концепции. Штеудель сомневается в значении евангелий, так как у нас нет в полном виде этой древне-христианской литературы, до нас дошли только ее отдельные остатки. Далее, эта литература вообще поздно возникла. Штеудель специально, между прочим, разбирает Марка, как древнейший евангельский текст, и находит его, вопреки Вейссу, с которым он вообще любит полемизировать,—неисторическим. Неисторичность Евангелий Штеудель, между прочим, видит в их чудесном элементе. Далее, характерно, отсутствие единства христианской литературы, а также—отсутствие в других литературных памятниках того, о чем упоминают евангелия. У Павла тоже нет исторического Христа, потому что Христос постоянно именуется у него то «Иезус Христос», то «Христос Иезус», каковы-то перемещения имен, по Штеуделю, у исторических личностей недопустимы (sic!). Те места, где у Павла упоминается Господь, Штеудель заподозревает, как интерполляции. Далее, Штеудель полагает, что ни в послании Иакова, ни в завещании 12 апостолов те изречения, которые сходны с евангельскими, нигде не отмечаются, как именно слова Господа. То же знакомство с евангельским текстом находим мы и в тексте 1 послания Климента. В евангелиях нет исторического колорита. Так, Голгофа и Гефсимания нигде больше не упоминаются. Очень мало в них исторических имен. Далее, неисторичность евангельских деталей—проповедь Иисуса Христа в храме, тогда как храм был местом жертвоприношений, а не проповеди; невозможность ареста Христа в Пасху, так как в это время народ стремился в храм, а Его арест должен был создать большой шум. Далее, Штеудель замечает, что суд не мог быть в Пасху, так как в Субботу не могло происходить никакое делопроизводство. Штеудель²⁾ замечает далее, что история с петухом при отречении Петра невероятна, ибо, по свидетельству Мишны, священникам по всей Палестине было запрещено держать петухов, а в Иерусалиме—всем евреям вообще. Образ Христа Штеудель выводит из мессиянических чаяний иудеев.

С работой Штеуделя на западе считался целый ряд ученых и таких, как Соден, Гольцман и др. Но как же она несерьезна в своей аргументировке! Я нарочито привел ее поподробней. В храме не было принято проповедывать... но ведь Христос проповедовал всюду, разрушая принятые приличия, условности, обычаи. Христа судили не в субботу (откуда это вообще взял Штеудель?); наконец, этот юмористический петух, убивающий исторического Иисуса... Пусть запрещено держать петухов, но в Иерусалиме были и не евреи, для которых и Мишна была не обязательна. Конечно, и евреи могли нарушать требования Мишны (толкования на Писание, а не само все же Писание), по части петухов, ибо они постоянно нарушали Божьи заветы в частях и много посерьезнейших, о чем свидетельствует хотя бы вся история с богопредательством. И в первой части своей аргументации, несколько более серьезной, Штеудель допускает ряд грубых ошибок. Уже я не говорю о том, что сейчас, через 15 лет после работы Штеуделя, историческая значимость евангелий не только не пала, но чрезвычайно возросла для огромного большинства первоклассных исследователей. Но Штеудель вообще,—как это делает и целый ряд других ученых того же направления,—переносит нашу современность в давнишние времена, забывая об исторической перспективе. У нас теперь каждый момент исторической жизни попадает в кодаки вездесущих репортеров. Но—две тысячи лет назад—ничего

подобного, конечно, не было. И Христос, при чрезвычайной скудости античной литературы, при том обстоятельстве, что значительная часть ее, вследствие исторических пертурбаций, вообще погибла, засвидетельствован достаточно основательно—и евангелием, и Павлом, и Флавием, и рядом еврейских и языческих писателей, о чем подробно говорить сейчас я не могу.

Все попытки уничтожить историчность Иисуса есть, согласно авторитетному заявлению Гарнака, дилетантство или даже мистификация, как он говорит о Кальтгофе, Енсене и Дреусе¹⁾. Указывайте, какие хотите шероховатости кожи евангельского текста,—его душа есть солнце истины. Бесконечно прав аббат Луази (модернист), говорящий: «евангелие представляло собой веру живущую, горящую, движущую, а не урок, повторяемый или переписываемый с большей или меньшей точностью»²⁾. Борнеман, Соден, Бет, Юлихер, Вейнель по поводу того доверия, которое оказала германская публика теории Дреуса, задаются печальным вопросом о культурном уровне этой публики.

Христос открывается нам как совершенно историческая личность. Новейшая русская попытка Морозова астрономически объяснить Евангелие и произвести «астрономический переворот в исторической науке», как выражается проф. Никольский,—совершенно не состоятельна. Старая история на новый лад! Вслед за Вольнеем, выступил в 1794 г. Дюпюи, автор семитомной «Всемирной Религии» (Происхождение всех религий), где он, вместе с атласом, в результате шестнадцатилетней работы, дает астрономическое объяснение всех евангелий. Вот образец его утверждений: «Послание Христа есть чистая аллегория... Искушением должно быть признано Солнце»³⁾. Астрономическое объяснение Евангелию дает Андрей Немоевский в своем «Боге Иисусе»; довершает эту плеяду астрономического остроумия наш Морозов.

Не стоит слишком долго останавливаться на этом астрономо-богословском затмении! Ницше в одном месте чрезвычайно язвительно говорит, что он видел ученых, одуревших от своей учености. А один немецкий астроном, Ганс Герман Крицингер (Берлин), в своей работе «Панастрализм», специально посвященной Немоевскому, объясняет эти явления тем, что ученые, типа Немоевского, «постепенно поддаются самовнушению»⁴⁾. В самом деле, что бы сказали ученые астрономы, если бы мы стали изучать спектры посредством психологической интроспекции?!

Каждая наука, поскольку она—наука, обязана в своей области применять свои специфические методы,—иначе получаются паталого-геосеологические явления. Историю надо изучать исторически, чтобы не впадать в морозовско-богословские «истории».

Итак, и последний, самый «яркий» свет—астрономический—не пролил «естественного света» к пониманию христианства. Перейдем поэтому к обычному традиционному рассмотрению христианской истории.

Христос—не только историческая личность. Его оригинальность заключается не в том, что Он исторически несхож со всеми бывшими до него историческими деятелями-религиозниками. Конечно, не может удасться попытка—облик Христа разложить на точную мозаику, с подробным указанием, откуда какой камушек взят: это—из Индии, это—из Рима. Облик Христа целостен и оригинален совсем не тем, что из старых камушков историко-поэтических грез восточных культов создали новую фигуру. Нет, во Христе, как говорит один современный немецкий богослов Дункман, «мы приходим к Богу»⁵⁾. Но чтобы это было возможно, надо принять Христа таким, каким Он есть. Научные реконструкции подлинного исторического Христа, которого и противопоставляют Христу Церкви, поражают именно своей предвзятостью, ненаучностью.

Совершенно справедливо по этому поводу пишет русский ученый-рационалист, профессор Минского университета Н. М. Никольский: «когда те же критические богословы начинают рассказывать о проповеди Иисуса, то из ученых они превращаются в завязанных церковных проповедников. Многие из них, и при том такие выдающиеся, как Гарнак, Вериле и

¹⁾ Ad. Harnack. Aus Wissenschaft und Leben, II B. 167—8 S.

²⁾ Loisy, *Autour d'un petit livre* 1 p. 186.

³⁾ Dupuis. *Origine de tous les cultes* t V, p. 109.

⁴⁾ Kritzinger, *Panastralismus. Der Geisteskampf der Gegenwart*, 1911 г. 5 Heft, s. 179.

⁵⁾ K. Dunkmann *Systematische Theologische Erkenntnislehre*.

¹⁾ *Im Kampf um die Christusmythe*, Jena 1910, S. 43.

²⁾ *Im Kampf*, S. 43.

Юлихер, приписывают Иисусу те изречения, которые соответствуют современным протестантским взглядам на христианство¹⁾.

Надо подходить к христианству объективно, иначе ничего не выйдет. Христианство—не учение, не философия, а что-то большее. Как совершенно справедливо пишет Бесун-Бекер²⁾, христианство не система, а жизнь. Христос никогда не задавался целью предложить систему метафизики или этики. Откровение христианства, говорит Бекер, есть сам Христос. Христианская доктрина есть изображение личности и жизни Христа, в отношении к человеку, миру и Богу. Христианская доктрина есть попытка истолковать эту личность и сделать ее понятной сердцу и уму человека. До сих пор это не сделано во всей полноте, это—лишь задание церкви. Ибо, согласно Беккеру, даже гениальные представители первого поколения не в силах были передать будущим векам полного значения жизни, свидетелями которой они сами были. У них язык не адекватен изображенному, их язык бессилие дать образ того Бога и Спасителя, которого они нашли. И чем дальше, тем хуже. Не найдены точные, исчерпывающие все данные в Новом Завете нам, формулы. Любопытно и знаменательно утверждение профессора «критического изучения и изложения Нового Завета» в Гарвардском университете, Джемса Ропса³⁾, что различие мнений о Христе надо объяснить невозможностью полного понимания великой и Божественной Натуры Христа, который говорил, как не говорил ни один человек, могущество и характер которого могут быть полностью поняты только при наблюдении Его влияния на этот мир. Психология бессильна перед объяснением этого факта. Ропс совершенно справедливо говорит, что явление Христа ученикам исторический критицизм не в силах постигнуть вполне. Ропс, говоря о центральном моменте внешнего удостоверения в Божественности Христа, о явлениях Воскресшего Распятого, верно замечает, что реальный опыт учеников здесь вне сомнения, на чем и основана их непоколебимая уверенность в Воскресении Христовом. Эта вера имела колоссальное значение ибо «с верой в живого Христа приобретается и вера в нашу вечную жизнь»⁴⁾, как говорит Ад. Гарнак.

Прежде чем принять это ни с чем несравнимое заключение, апостолы должны были именно иметь эту тончайшую базу опыта реальной правды. И они ее имели в таком неподлежащем сомнению ясновидении, что даже скептик Леруа в знаменитой своей книге «Догмат и Критика» считает воскресение Иисуса Христа фактом объективно-реальным, обладающим самым высшим характером реальности, какую только можно себе представить⁵⁾. Чудо воскресения не противоречит и естествознанию, о чем свидетельствует проф. физики Бальфур Стюарт, который, рассуждая об этом чуде, спрашивает: «сохранялось ли в неизменности действие известных сил природы в этих случаях, или же оно было иногда превосходяемо высшей силой? Несомненно, превосходялось! Безошибочно можно сказать, что так было при воскресении и вознесении Христовом».—Таковы факты евангелия.

Эта фактичность евангельской истории, устанавливаемая рядом современных ученых, двусторонняя. С одной стороны, она есть внешняя удостоверенность апостолов, с другой стороны, на этой почве внешнего удостоверения начинает расти внутренняя духовная жизнь, новая жизнь, которую Христос дал своим ученикам, утвердив в их сознании отповесть Бога, на что также обращает внимание Ропс⁶⁾. Стейнбек (Das Verhältniss von Theologie und Erkenntnis Theorie, S. 99), говорит: «какой смысл имело бы христианское откровение, если бы оно не было утверждено на опыте? Бог, который существовал бы для нас в непостижимой трансценденции, дыхание которого мы не могли бы проследить в своей жизни, был бы для нас в религиозном отношении не Богом христианства, а Богом деизма. Поэтому невозможно найти ни одного истинного христианина и истинного богослова, который бы не ощущал в своей жизни внутреннего свидетельства Бога, потому что без этого свидетельства невозможно вообще благочестие».

¹⁾ Н. Никольский. Иисус и первые христианские общины. 1918 г., стр. 41.

²⁾ B. Hune-Paker. An Introduction to the early History of Christian Doctrine, 1903.

³⁾ Ropes James Hadley. The apostolic Age in the light of the modern criticism, New-York 1905.

⁴⁾ H. Garack. L. church d. r. Dogmengeschichte, II B, s. 82.

⁵⁾ Леруа. Догмат и Критика, 159 стр.

⁶⁾ Ropes, op. cit., 3 глава.

Если мы примем евангелие, как исторически достоверную канву, если мы углубимся в духовную жизнь, то наше сознание, просветленное благодатью Церкви, начинает нитями духовного опыта вышивать на этой канве нетленный и нерукотворный облик Христа. Ведь, апостолы совершенно справедливо указывают на созревание в нас Христа, в меру именно нашего духовного роста. Наш мистический рост есть рост Христа в нас. Точно фиксирован в нас облик Христа будет лишь тогда, когда будет установлен внутренний объект нашего восприятия. Христос—как некое данное, как бы вне нас лежащее. Наш опыт—да простится грубоватое сравнение!—есть бинокль. Но бинокль только тогда показывает правильно, когда правильно поставлен, когда интересующий нас предмет попадает в фокус бинокля. И задача зрителя—поймать интересующий его предмет в фокус бинокля. А до той поры либо он совсем предмет через бинокль не увидит, либо увидит его весьма туманно. Все дело, следовательно, в том, чтобы правильно установить фокус.

Установление духовного своего бинокля так, чтобы Христос был в его фокусе—задача религиозной гносеологии.

Тихоновщина принимает мертвящую точку зрения. Она принимает «статического» Христа. Она устанавливает формулы, и одни только формулы о Нем. С этой точки зрения, она есть schola, схоластика мертвая, бегущая от живой жизни. И удивительно: как будто современное знание установило фактичность, историчность, божественность Христа—ведь, все рационалистические гипотезы о Христе таковы, что от них, подчас, отрекаются и сами авторы. И все же во Христа не веруют! В чем же дело? Да дело именно в том, что Христос и в самой Церкви не столько дан, сколько задан. Он только нами самолично постигается лишь тогда, когда мы пойдем по пути благодатного срастворения с Ним, вчувствования в Него. Обновленчество, имея за собой научное обоснование внешней удостоверенности евангельского факта, обязывает к пониманию динамического характера Бого- и Христо-постижения. В этом—залог нашей апологетической успешности.

Наша теоретическая убежденность должна органически соединяться с волевым напряжением. Любопытно, что некоторые философы наших дней установили, совершенно независимо от богословских устремлений, сочетание воли с ощущением, как критерий действительности.

Так, итальянец Ф. Энриквес говорит, что критерием действительности являются ощущения, ассоциированные с известными действиями¹⁾.

Ассоциативность воли—творчества и интеллектуального момента есть новое понимание догматики, догматов.

Тихоновское богословие иначе подходит к пониманию догмата. Вот определение догмата из учебника, одобренного Учебным Комитетом при (царском) Св. Синоде: «догматы суть богооткровенные истины, содержащие в себе учение о триипостасном Боге и Его отношении к миру и особенно человеку, хранимые, определяемые и преподаваемые православною Церковью, как непререкаемые, неизменные и обязательные для всех верующих правила веры»²⁾. Здесь истина веры открывается, как каноны (правила) мысли.

Но именно в этом—ахиллесова пята всякого такого подхода к объектам потустороннего мира.

Богопостижение есть творчество Бога в душе. Догматы не для всех одинаковы. Т.-е. их внешность одинакова для всех. Догматы—как бы прорезки в непроницаемой ткани, отделяющей потусторонний мир от мира земного. Это—щели, в которые льется свет вечности. Мы прильнем к этим отверстиям, щелям, прорезам, и созерцаем. Прорезы для всех одинаковы, но видим мы больше или меньше в зависимости от степени нашей зоркости, остроты нашего зрения. Поэтому одни видят в тот же прорез одно, другие видят больше. Брюнетьер совершенно справедливо говорит о безбрежной глубине догматов. Углубление нашего познания Бога через догматические окна есть задание жизни.—не мысли, а жизни. Если прожекторы испытующей мысли озаряют нам небо вселенной и мы, взмывая, взвешивая, исчисляя предсказывали—гипотетически—должна быть звезда Бытия Божия, то нужен все же Леверье жизненного опыта³⁾, дабы блеск ее из теоретиче-

¹⁾ Энриквес. Проблемы науки. 1911, 74 стр.

²⁾ Прот. Н. Малиновский. Очерк православного догматического богословия изд. 2, вып. I. 8 стр. 1911 г.

³⁾ Астроном Леверье открыл Нептуну, после того, как место его нахождения было вычислено математиками—теоретиками.

ского долженствования стал практической радостью благодатного ощущения. Это возможно при нравственном просветлении нашего сознания.

Исключительное значение нравственного момента устанавливается и внебогословскими точками зрения. Так, астроном И. В. Виноградов свидетельствует: «жизнь наша есть вечное движение вперед, основанное на размножении рода и на развитии культуры земли, и все то, что помогает этому движению в какой бы то ни было форме, есть нравственность, напротив, все то, что тормозит мировое движение—есть безнравственность; отсюда не трудно понять, чего мы должны требовать от наших: вероучений, государственных законов, общественных учреждений, общественной жизни и семейных начал; словом сказать, во всех этих положениях, нравственность коренится только в таких действиях или мышлениях, которые верят требованиям природы, основаны на ее законах и не нарушают прав других лиц». Сие последнее положение в более мягкой форме соответствует заповедям нашего Спасителя: «люби ближнего, как самого себя и не делай человеку того, чего себе не желаешь»; заповедь эта лежит в основе каждой государственной и общественной жизни, она есть неизменное основание человеческого общежития и на ней весь закон государственного благополучия и пророцы будущего развития лучших условий общественной и семейной, а стало быть и мировой, жизни висят»¹⁾. В современных условиях как-будто сейчас мы стоим снова перед проблемой ценности морали. Уже Джон-Стюарт Милль указывал, что в наше время при богатстве технических усовершенствований, при необычайном развитии материальных удобств «душа убывает».

Конечно, сейчас едва ли можно говорить о крушении нравственности. Я полагаю, что сейчас происходит крушение некоторых формул нравственности. Ах, как мы еще находимся под властью этих формул! Еще Фихте сказал, что формула есть самое великое благодеяние для человека. Значимость формул в области мысли, как рассуждали мы выше, не отрицается и нами. Не пора ли, однако, бросить смотреть на мораль, как на кодекс правил, формул и параграфов благоповедения? Ведь, единой морали в этом отношении, как известно, никогда не было. Наоборот, кодексы морали разных религий всегда не совпадали, прямо противоречили друг другу. Я полагаю, что формулой морали является отсутствие формул у нее. Во всяком случае такова христианская мораль. Если Ветхий завет есть собрание священных параграфов и правил благоповедения, до виртуозности разработанных талмудом, если вы почитаете «Мозжечек нравственного богословия» католика Бузенбаума (выдержавший более 55 изданий),—вы тотчас же инстинктивно почувствуете, насколько христианство диаметрально противоположно всей этой моральной скрупулезности. Текучесть морали есть основа христианской этики. Поэтому-то мы не хотим навязывать современности никаких точно размеренных условностей морали. Нельзя в этом, однако, видеть моральный анархизм. Нет, если мистики правильно утверждали, что для любящего Бога закона нет, если они отрицали параграфичность, каноничность морали, то этим они не принижали моральный уровень (и, конечно, не уничтожали морали), но ставили ее выше нелепых сантиметров ханжеской условности.

Мораль, ведь, по существу не может измеряться сантиметром: столько-то сантиметров,—ну, это морально, меньше—неморально. Ибо всякое измерение, всякая регулировка идет извне, тогда как всякая мораль есть «изнутри».

Внешне приличное не есть еще моральное. Мы продолжаем мысль Канта о легальном и моральном. Нет—да и не надо заботиться о параллелизме внешнего благоповедения с внутренней моральностью. Очень часто они параллельны, но не в этом дело. Моральное состояние души есть состояние, в котором в нашем сознании светится свет Христов... Мы о морали судим по букве моралистов, часто даже по возвышенной букве моральных предписаний писания, забывая, что хотя в писании есть буквы, оно само не есть только буква. Писание, даже давая нам буквальные предписания, не обязывает нас к буквалистической их интерпретации... «По нужде и закону применение бывает»,—вот коррелят ко всем предписаниям писания. Христианство именно есть религия свободы и религия взлета.

Как-то это совершенно забылось, а между тем напоминание именно об этом есть большое апологетическое задание обновленчества. Условность нашей церковной морали, тихоновщина в этике, отталкивает от нас тысячи молодых и честных, глубоко моральных сердец. Не к принижению, конечно, моральной высоты должна привести эта отмена условностей этики. Нет, мы выдвигаем основную формулу морали, данную нам не Мартенсенами или Янышевыми, но самим Богом: «вот почему узнаем, что мы от истины, и успокаиваем пред Ним сердца наши; ибо если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает нас. Возлюбленные, если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу». (1 посл. Иоанна, III, 19—21).

Здесь—чрезвычайная высота!.. Здесь дан нам безусловный термометр душевного здоровья. Да, подобно тому, как температура свыше 37° есть свидетельство болезни тела, так и в духовной жизни. Если душа ощущает дерзновение перед Богом, зрит Его, значит—моральное здоровье в порядке: душа не впала в смертный грех, ибо смертный грех есть грех, влекущий за собой смерть, утрату Богоощущения. Дозволено все то, что повышает (или сохраняет) чувство Богоощущения, и, наоборот,—хотя бы, формально, это были иногда моменты, как-будто нравственно индифферентные. Богоощущение утеряно—моральный термометр показывает, что душа больна, и немедленное лекарство—покаяние. Вот формула безусловной морали Христа, правильно жизненно понятая. Это не значит отмена привычных нравственных моментов. Но это есть индивидуализация моральных норм. Если у нас индивидуальны, как свидетельствует медицина, тела, то индивидуальны и нравственные сознания. Единая мера здесь не приложима. Здесь поэтому необходимо провозглашение принципа свободы, что, конечно, не означает моральной неустойчивости. Христос дал совершенно безусловный метод нравственного совершенства—это путь беззаветной, сердечной любви к Богу и братству. Это и есть единственный правильный регулятор моральной устремленности. А индивидуализируется этот метод, сообразно с данной психологической организацией, при соблюдении конечной цели морального развития—повышения религиозного тонуса. Такое духовное понимание духовного пути Христа апологетически очень плодотворно. Мы избегаем обвинения в закоснении нравственном. Нам предлежит нравственное абсолютное совершенство, идеал, недостижимый в условиях земного странствования,—«един свят, един Господь Иисус Христос», поет Св. Церковь. Поэтому жизнь создала различные типы приближенного нравственного совершенствования. Эта моральная многотипность должна быть учтена, потому что она коренится на вариациях человеческого сознания вообще, на индивидуальном характере наших душ. Аскетический идеал, с этой точки зрения, не упраздняется, но все же перестает быть единоспасающим. Есть и другие, не менее целесообразные, подходы к нравственному совершенству. Жизнь мирская, как жизнь монашеская, не антиподы, а разнотипы. Это то, о чем учил Св. Мефодий Патарский, говоря о религиозной равноценности брака и безбрачия. Многотипность морального совершенствования, не исключаящих, но сопутствующих друг другу при конечной задаче—да изобразится Христос в сердце человека,—вот формула этики обновленческой апологетики.

Моральное совершенствование является, как сказано, условием Богопостижения. Но это совершенствование возможно лишь в Церкви. Принадлежность к православию есть безусловное условие нормального религиозно-морального развития. Ибо Церковь, прежде всего, есть сила. Колоссальный резервуар благодатной воды живой. И лишь в меру приобщения этой благодати безолезненно развивается, зреет внутренний человек. Эта сила преподается христианину через таинства. Наши таинства являются для неверующего сознания сейчас камнем особого преткновения и соблазна. Но здесь мы не можем и не должны сделать никаких уступок. Цело в том, что наши таинства суть лаборатории, в коих мы, выражаясь техническим языком, экспериментируем с религиозной стихией. Бог познается опытно, в буквальном смысле слова. Много говорят сейчас о чисто научном постижении религиозной стихии, религиозного чувства. Впервые это сделал Джемс, и последние страницы его «Многообразия религиозного опыта» являются классическими по своему за-

¹⁾ И. Виноградов. Теория мирового разума. 2 изд. 195—196.

мысли. Работу Джемса ведет Старбек, Леуба и ряд других ученых. Несомненно, в области изучения религиозного чувства мы находимся приблизительно в том же положении, в каком находилась химия до Лавуазье. Но нужно предостеречь теперь, когда совершаются подготовительные работы к действительно научному осознанию религиозной проблемы, от возможной неполноты подхода. Дело именно в том, что есть путь неорганизованного и путь организованного подхода к Богопознанию. Путь неорганизованный—этот путь индивидуальных исканий и взлетов, и обычно именно он имеется в виду авторами научных изысканий. И другой путь, можно сказать, вовсе неразработанный наукой, путь организованного Богопостижения,—это путь таинства. Здесь существует совершенно определенная реальность и совершенно определенное вхождение в эту реальность. Здесь Богопостижение регулируется точно и верно действующим аппаратом. Здесь—обширное поле для точного изучения точной данности. Мыслимы установки манометров Богореальности. Здесь возможны опытные, лабораторные, религиозно-психологические эксперименты. Конечно, все сказанное нужно принимать не в грубо-реалистическом смысле слова, но и не в переносном только смысле слова. Я вполне мыслю в будущем организацию при богословских факультетах особых психо-религиозных кабинетов, в которых религиозное восприятие будет точно учитываться методами психологического экспериментирования. Конечно, деликатность религиозного чувства потребует и особой тонкости всех этих экспериментов, но бояться этих опытов мы не можем, а должны стремиться к ним, памятуя, что от этого произойдет не умаление или оскорбление религии, а, наоборот, научно-экспериментальное ее оправдание. Необходимо создание религиозной физики и химии, а не только пробавляться религиозной метафизикой. Ведь, современная метафизика, например, в системе Вундта, коренится на твердой базе научных данных. Так и наша теоретически-завершающаяся концепция Божества должна базироваться на религиозном естествознании, точнее—на естествознании религиозного чувства. Конечно, центральный психологический метод, метод интроспекции, и здесь будет доминировать, но мы должны создать и новые дисциплины: религиозная химия и физика (я уверен, что электроны евхаристийного хлеба иначе расположены, после претворения, нежели до него—здесь нам на помощь приходит современное учение об изопатах и изобарах), религиозная бактериология¹⁾ (изучение бактерий неверия, сомнения, ереси, тихоновщины). Пусть это не звучит парадоксом. Надо сдвинуть с мертвой точки дело изучения религиозной стихии. Еще раз повторяю, что здесь будет не уничтожение религиозного восприятия, но упрочение. Дух захватывает, когда подумаешь о будущих Ньютонах, Лавуазье, Менделеевых, Кюри и Розенфордах естествознания религиозной стихии. Конечно, создастся совершенно особая, совершенно своеобразная система этой новой

науки. Здесь не нужна грубая котировка методов материального естествознания. Здесь выработается своя, вероятно, вполне своеобразная, техника лабораторных изысканий, свой научный словарь и т. д. Но необходимо начать в этой области определенную работу. И напряженный здесь труд даст нам, я полагаю, в течение ближайших десятилетий несколько не менее ценные лабораторные завоевания, чем, скажем, лабораторные искания Павлова в области механизма человеческого тела. К этому, прежде всего, зовут наши обновленческие богословские факультеты. Одна постановка вопроса в подобной плоскости может закрепить за обновленчеством чрезвычайное значение во всей апологетике. Мы, имея определенный, точный, реальный, опытный материал, точно его анализируя, открывая несомненную имеющуюся здесь таинственную пока математику этой закономерности,—выведем богословскую науку из той прострации, из того тупика, в который после векового своего существования в конце концов она зашла. Ведь в самом деле пережевывания хотя бы и очень теоретико-интересных и значимых мыслей не есть же развитие, здоровое и несомненное, нашего знания о Боге. Пусть шероховато, с ошибками, с заминками пойдет работа в указываемой области, но в дальнейшем она даст, несомненные колоссальные результаты.

Но это—дело ученой стихии обновленчества. Это ее революционно-апологетическое задание.

Рядовые обновленческие силы должны сосредоточить свое внимание не на установлении возможной закономерности таинственно-благодатных взаимоотношений горнего и дольнего мира, но на накоплении материала. Это выразится в непрестанном личном сочетании с Божеством через таинства и в призывании пасомых к тому же. Ввергнуться в стихию благодатного океана таинств—это значит практически проверить теоретическую возможность Божества. Это—апологетика практическая.

Таковы апологетические перспективы обновленчества, сдвиг с мертвой точки, динамическое понимание христианства, вместо статического,—творчество в религиозной стихии и точный научный анализ этого, в согласии с принципиальными теоретическими данными,—вот с чего нам надо начинать.

Я верю, что Дух Божий поднял волну обновленчества, очищая церковь от обуявшей ее застойной затхлости, и этот же Дух Божий—Дух Жизни—претворит в реальность поставленные здесь замыслы.

Обновленчество—это коллективный апостол—апологет Правды Христовой!

В этом—и полное оправдание обновленчества и вселенская его значимость.

Митрополит Александр (Введенский).

О Б Р А Щ Е Н И Е

Ко всем деятелям богословской науки и духовного просвещения православной русской церкви от собравшегося в Москве 27—31 января 1925 года Совещания ученых богословов.

Дорогие собратия.

Семь лет прошло с тех пор, как буря революции, пронесшаяся над русской землею, смела старый строй и разрушила старые постройки, в том числе и духовную школу царско-синодального времени. В трудных обстоятельствах этого перелома рассеялись повсюду и отошли от родного дела многочисленные работники православно-религиозного просвещения. Жизнь выбила их из привычной колеи и заставила часто стать совсем на другую дорогу, не имеющую ничего общего с теми духовными идеалами, которым они некогда служили. Но, несомненно, идеалы эти не угасли в душе. Только суровая действительность оторвала их от родных заветов и любимого дела, на служение которому было посвящено столько трудов и аний.

Но буря миновала, и наша родина постепенно расцветает весной новой зарождающейся жизни, как увядшая трава—

¹⁾ Точнее: химия религиозной стихии, бактериология религиозной стихии и т. д.

после благодатного дождя. На месте разрушенного старого строя усилиями освобожденного народа строится новый свободный строй, и все трудящиеся, как каменщики, тянутся на работу нового строительства, каждый сообразно со своими знаниями и талантами, помогая возрождению страны, кто чем может.

Началась новая созидательная работа и в русской Православной Церкви, которая также очистилась в пламени революционного горения и, окончательно отрешившись от пережитков принудительного союза с самодержавием, вступила на путь широкого внутреннего переустройства и христианско-жизненного общественного делания под стягом нового церковного управления. У кормила Церковного строительства стали живые силы Церкви, которые так сковывал режим царизма, и в самой трудной обстановке взялись за работу каменщиков обновленного церковного здания. Стоя твердо на почве чистого православия, находясь в полном общении со Вселенскою Церковью, так называемые обновленцы взяли на себя подвиг воссоздания на

истинно-христианских началах и церковной организации, разрушенной бурями переворота, в том числе—и церковно-образовательных учреждений. Ведь в церковном просвещении—будущность всей церковной жизни. Старые кадры церковных работников медленно, но неизбежно, вымирают. Для церковного дела нужны теперь работники, вооруженные знаниями, гораздо больше, чем в те времена, когда за спиной государственной власти Церковь чувствовала себя во внешней безопасности. На смену выбывающих из строя необходимо готовить кадры церковных деятелей, правоспособных держать знамя веры и церкви среди всех противных течений. А это сделать может только организованная просветительная и образовательная работа.

Принять участие в этой работе должны, конечно, прежде всего, старые труженики православной богословской науки и церковного образования. Если в них не заглохли религиозные идеалы, то они должны понять, что на них лежит нравственный долг не зарывать в землю талантов своих знаний и опыта и обратить свои силы на служение Церкви, раз к этому для них снова представляется возможность. Мы не можем осуждать тех, кого суровая необходимость заставила в свое время отойти от церковной работы и заняться чуждым трудом. Но когда эти суровые условия изжиты, трудно будет найти оправдание для тех, кто, в душе нося религиозные заветы и обладая необходимыми знаниями, все таки уклоняются принести их в дар религии и церкви и не уделяет, хотя бы частицу, своих сил на церковно-просветительное дело, от которого зависит судьба не только церкви, а и самой веры на земле.

Суровые же внешние условия действительно миновали. Возрождаются распадники богословского просвещения—богословские школы—и ждут работников. Школы эти имеют уже достаточно твердую юридическую и материальную базу. Труженикам этого дела не угрожают никакие репрессии и особые жизненные затруднения. Они могут рассчитывать на одинаковое положение со всеми трудящимися. Церковные средства хотя и невелики, но уже достаточны, чтобы дать работникам церковного просвещения не меньшее материальное вознаграждение, чем дают другие отрасли труда.

Поэтому собравшееся в Москве 27—31 января сего 1925 года Собрание представителей богословской науки и

деятелей церковного просвещения решило обратиться с горячим призывом ко всем собратиям своим по церковно-просветительной работе—вернуться к родному для них церковно-просветительному делу и принять участие в работе на возрождение и обновление русской Церкви своими знаниями, талантами, опытом. Двери широко открыты для всех, кто откликнется на призыв: дело для всех найдется. Идите к нам! Будем вместе работать на пользу Церкви в братском единении, любви и свободе. Свобода исследования, свобода мысли, свобода преподавания... Но об этом ли мечтали многие богословы во дни царского Синода? Но тогда за эти мечтания гнали. Теперь они осуществляются в действительности.

Для реальной спайки представителей богословской науки и деятелей церковного просвещения в Москве образовано особое профессорское Бюро в составе профессоров: проф. Б. В. Титлинова, профессора С. М. Зарина, профессора-протоиерея Н. Г. Попова, профессора В. З. Белоликова.

В это Бюро просят обращаться всех, могущих предложить свой труд в качестве профессоров, преподавателей, сотрудников изданий («Вестника Св. Синода», «Церковное Обновление»).

Адрес Бюро: Москва, Самотека, Троицкое Подворье, Профессору Б. В. Титлинову (Профессорское Бюро).

Подлинный подписали:

- 1) Профессор Митрополит **Александр Введенский**,
- 2) Профессор Архиепископ **Михаил Попов**,
- 3) Профессор Архиепископ **Георгий Добронравов**,
- 4) Профессор **Б. В. Титлинов**,
- 5) Профессор **А. И. Покровский**.
- 6) Профессор-прот. **Н. Г. Попов**,
- 7) Профессор **С. М. Зарин**,
- 8) Профессор **В. З. Белоликов**,
- 9) Профессор-прот. **Н. Н. Фетисов**,
- 10) Профессор **А. И. Вознесенский**,
- 11) Профессор-прот. **Т. Д. Попов**,
- 12) Профессор-прот. **П. В. Раевский**.
- 13) Протопресв. **П. Н. Красотин**,
- 14) Протоиерей **А. И. Боярский**,
- 15) Протоиерей **Н. Ф. Платонов**,
- 16) Протоиерей **П. В. Богословский**.

ОБРАЩЕНИЕ

Совещания профессоров—ученых богословов ко всем верующим.

Богословская наука, имеющая своим ведением духовные предметы высочайшей важности, издавна неразрывно была связана с живой церковной деятельностью.

В самом деле, ведь богословы изучали истины веры не из холодного любопытства бесстрастного рассудка, но преимущественно для того, чтобы жизнь чад церкви направлялась безпреткновенно к вечному спасению души. Так как для вечного спасения необходимым условием является правильное указание, как именно надо понимать богооткровенные истины, как в тех или иных условиях исторической действительности надо вести корабль церковный по маякам канонов и священных установлений, преданных нам Св. Отцами и Соборами церкви,—то богословие здесь всегда оказывало незаменимую услугу Церкви, выявляя, что есть истина.

В этом—жизненное значение авторитета богословской науки и ее представителей, православных богословов.

И ныне, в дни величайшей церковной смуты, когда рядовой верующий иногда при самом добром намерении своем не в силах разобраться, кто же прав здесь, где православие, а где уклон от него,—суждение богословской науки приобретает совершенно особое значение. Только что закончившееся в Москве Собрание православных богословов, профессоров высших духовных учебных заведений, обсудив создавшееся церковное положение, в свете неллицеприятных данных богословской науки, выразительницы церковной правды и истины, решило обратиться с настоящим воззванием ко всем православным верующим.

Настала пора прекратить взаимное разделение. Всякий верующий не может тяготиться создавшимся расколом. Но и настало время понять, откуда происходит смута.

В самом деле, внешним признаком принадлежности к Православной Церкви всегда была связь с Вселенской Церковью. Кто разрывает эту связь, тот ставит себя на место раскольника, повинного в тяжком грехе против Матери Церкви. Сейчас в СССР две части некогда единой Православной Церкви: одна, возглавляемая Св. Синодом, другая—ведомая бывшим патриархом Тихоном. Но лишь церковь, возглавляемая Св. Синодом, находится в каноническом общении с Восточной Вселенской Церковью в лице ее святейших патриархов, начиная с Вселенского Патриарха.

Если прибавить к этому, что ни основы веры, ни основы канонов не затронуты в Синодальной Церкви, то для всякого честного и беспристрастного христианина ясно, что Св. Синод, соблюдающий единство веры и единство общения с Вселенской Церковью—воистину есть глава Православной Российской Церкви, а так называемая Тихоновщина есть отпадение от единства церковного.

Поэтому мы, представители богословского знания, зовем всех верующих, верных чад Св. Церкви, сплотиться около Св. Синода, как живой и канонической связи с Вселенской Церковью.

И это тем более необходимо, что грядет Великий Вселенский Собор, на котором достойное место предоставляется и Русской Православной Церкви. И как мучительно больно

сознавать, что к этому Св. Собору мы готовимся не миром и подвигами любви, а взаимным раздражением и непониманием!

Братья! Достаточно, слишком достаточно этой вражды.

Прекратите ее. Сплотитесь около Вселенского единства, представляемого в СССР Св. Синодом, прекратите преступный раскол, слейтесь все во единую Христову семью, где глава—Он сам, а не забывший это разрушитель церковного единства, разорвавший и с Св. Матерью Церковью Вселенской.

Пора это понять, пора в подвиге любви и прощения залечить язвы церковные, пора отойти от пагубного раскола и вернуться всем в лоно единой Св. Православной Апостольской Церкви.

НА ПРАВОСЛАВНОМ ВОСТОКЕ.

По получении известия о высылке вселенского патриарха Константина из Константинополя, представитель вселенского патриарха в Москве архимандрит Василий Димопуло обратился в Свящ. Синод с следующим заявлением.

«Телеграф принес нам печальное сообщение, что Турецкое Правительство выслало Вселенского Патриарха Константина VI из Константинополя, согласно пункта Лозанского договора об обмене.

Это, конечно, лишь простое оправдание своего действия, на самом же деле, под всем этим кроются более глубокие причины. Настоящий Вселенский Патриарх избран в начале декабря минувшего года и до 28 января с. г. со стороны Турецко-Ангорского Правительства не последовало никаких протестов. После же того, как в согласии со всеми Восточными Патриархами: Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским, Вселенский Патриарх объявил о созыве Вселенского Собора во св. Граде Иерусалиме,—сразу же зашевелились черносотенные элементы и белогвардейское духовенство за границей, во главе с быв. Митрополитом Киевским Антоном Храповицким и друг., которые, пользуясь гостеприимством и покровительством Югославии, Румынии и Болгарии, собираются подорвать авторитет Вселенского Патриарха и воспрепятствовать работам будущему Вселенскому Собору, который, по их мнению, примет обновленческое направление по вопросу церковного календаря, а также в отношении брака клириков и проч. вопросах, намеченных в программе предстоящих работ Вселенского Собора, пересланной мною своевременно Священному Синоду. Кроме того, эти элементы и зарубежное духовенство стараются провести пропаганду против уже состоявшихся постановлений Вселенской Патриархии о Патриаршестве в России, о действиях Карловицкого Собора и о недостойном поведении архиепископа Анастасия и Александра, против указаний патриархата русскому и загранич-

ному духовенству, что оно должно перестать действовать под флагом Русской Церкви и политиканствовать, а вернуться в Россию, подчиняясь той власти, которую установил русский народ. Мои предположения имеют подтверждение в сообщении, имеющемся в номере газеты «Правда», где в телеграмме из Румынии сообщается об объявлении Румынского Митрополита Патриархом Вселенским.

Я полагаю, что Русская Православная Церковь не откажется ходатайствовать пред Советскою властью о поддержании Вселенского Патриарха, об оставлении его на своем троне. В Ваших руках, Ваше Высокопреосвященство, сделать имя Советской России и Священного Синода еще наиболее популярным на Востоке. Я горячо прошу Вас оказать Константинопольской Матери Церкви эту великую услугу, которая тем самым будет и актом силы и могущества Русского Правительства, тем более, что и Вселенский Патриарх, признаваемый на Востоке главою всего православного народа, ясно показал своими действиями свое расположение к Советской Власти».

СВЯЩ. СИНОД ПОСТАНОВИЛ:

Выразить Представителю Вселенского Патриарха в России Архимандриту Василию соболезнование по поводу высылки из Константинополя патриарха Константина VI.

Принять по этому поводу все зависящие от Священного Синода меры; составить обращение к Правительству СССР, в коем просить его сделать представление Турецкому Правительству об оставлении резиденции Вселенского Патриарха в Константинополе, как исторической (свыше 1500 лет) резиденции патриарха, с выяснением истинных мотивов высылки патриарха, коренящихся в симпатиях патриарха Константина VI к Русскому Народу и Русской Православной Церкви; составить обращение к представителям автокефальных церквей с просьбою выразить протест от имени всех христианских церквей и исповеданий против высылки из Константинополя Патриарха Константина VI.

Вселенскому же патриарху была Св. Синодом послана следующая телеграмма:

«Священный Синод Российской Православной Церкви, выражая Вашему Всесвятейшеству свое искреннее соболезнование по поводу удаления Вас из Константинополя, канонической резиденции Вселенского Патриарха, почтительнейше просит Вас прибыть в Москву, дабы воспользоваться гостеприимством Русской православной церкви и православного народа, пока вопрос о Вашей резиденции не будет улажен надлежащим путем. О разрешении прибыть Вам в Москву Священным Синодом возбуждено ходатайство пред Высоким Правительством Союза Советских Социалистических Республик».

Вселенский Патриарх Константин VI на Афоне и значение этого события для церкви православной.

Патриарх Вселенский Константин VI, всего два месяца избранный на престол Св. Иоанна Златоустаго, выслен Турецким Правительством из Константинополя и нашел себе временный приют под мирным кровом иноческих обителей на Св. Афонской горе, подвластной ныне единой и единоплеменной греческой Республике. Выселение это, неожиданное как для Вселенского Патриарха и Православной паствы Царьграда, так и для всего христианского культурного мира, произвело настоящий переполох среди обывателей Константинополя и патриархии, вызвало горячие протесты со стороны православного греческого населения, живущего вне Константинополя, и приковало к себе внимание всего христианского мира. Это из ряда выходящее и печальное событие может иметь для всей православной церкви неисчислимые крайне печальные последствия, особенно в данное переживаемое нами время, когда православное восточное христианство во всей своей совокупности готовится к великому мировому церковному, много веков уже ожидаемому, торжеству—Православному Вселенскому Собору.

Патриарх Вселенский Константин VI, бывший митрополит Дерконский, человек просвещенный и гуманный,—давний обыватель турецкой столицы и проживал долгое время в лучшем европейском квартале Перу, священнодействуя в храме

Св. Троицы, и пользовался всеобщим уважением среди своей православной паствы. Его избрание на престол Вселенского Патриарха при редком единодушии в подобных случаях всех сторон—в истории вселенского патриархата факт почти беспримерный, т.-е. и в среде народных представителей (так называемого смешанного совета) и среди греческого духовенства в патриархии (Священном Синоде). Из трех намеченных кандидатов по канонизму, за избрание патриарха Константина в смешанном совете подано было 34 голоса, за второго кандидата—24 голоса, а третий кандидат получил всего лишь 4 голоса. При окончательном избрании в Священном Синоде, состоявшем из 15 архиереев, было подано за избрание его 14 голосов против одного, который, несомненно, принадлежал самому избираемому. Таким образом, можно сказать, что избрание это было единодушное и единогласное, и не могло вызвать тени сомнения в благополучном окончании всех дальнейших актов, связанных с возведением избранного в избранника на престол Св. Иоанна Златоуста.

Так как политический строй жизни в столице Турции изменился ныне,—из монархического превратился в республиканский, и старые традиции и порядки в отношении султанов к греческому православному населению и в частности вселенскому патриарху, завещанные завоевателем Константинополя

Мурадом II и его преемником, — отошли ныне в область предания и истории, а на место их возымели силу новые условия существования греческой православной церкви в Турции, гарантированные на Лозанской международной конференции, то патриархия решила немедленно приступить к выполнению окончательных торжественных религиозных обрядов, связанных с возведением патриархов на трон, — к, так называемой, **интронизации**. В былые старые времена между избранием и интронизацией новоизбранного патриарха проходило довольно значительное время, так как требовалось получение от султани **Берата**, которым утверждалось избрание со стороны оттоманской власти. Причиной такой проволочки бывали медлительность вообще старой турецкой администрации, разного рода интриги, окружавшие новоизбранного патриарха и в патриархии и в высших административных турецких сферах, не брезговавших в этом случае заполучить в свой карман приличный Бакшиш ото всех, кто так или иначе причастен был к этому делу. На сей раз, опираясь на Лозаннский договор, освобождавший патриархию, храм Св. Георгия и всю территорию, на которой находятся здания и учреждения ее, от всякого посягательства на свободное существование со стороны нового Турецкого Правительства и предоставивший патриархии полную свободу внутреннего самоуправления, — и избрание и интронизация происходили без всякого участия турецкого правительства. На торжестве интронизации присутствовали: председатель смешанной европейской комиссии, в руках которой сосредоточивается верховное наблюдение и надзор за административной деятельностью нового турецкого правительства, все консулы европейских христианских держав, питомцы богословской и высшей народной школ, множество представителей высших кругов из обывателей Константинополя и простого народа.

Акт интронизации прошел при общем энтузиазме и довольно приподнятом настроении всех присутствовавших на торжестве. Сам виновник торжества, сильно взволнованный, в своих речах и ответах был сдержан и краток. Но необыкновенным подъемом и силою одушевления отличалась небольшая по объему, но глубоко прочувствованная речь митрополита Кессарийского, произнесенная при вручении жезла новоизбранному патриарху. Оратор, стоя в царских дверях и приветствуя новоизбранного, напомнил ему о той высокой чести, которой он удостоился, вступая на трон своих знаменитых предшественников и великих борцов за благо и основные начала церкви православной — святого Иоанна Златоуста и Фотия, и не умолчал о том, что эта честь может служить источником для него горя, а славная кафедра может быть для него Голгофою. Жизнь современной православной церкви, по словам оратора, преисполнена самых разнообразных и живых вопросов, волнующих умы высшей и низшей церковной иерархии повсюду в православном мире, и требует от кормчего, берущегося за руль католической церкви, по апостолу, не только **содеяти правду, но и заградити уста львов и угасити силу огненную** (Евр. XIII, 33). Речь эта произвела на слушателей сильное впечатление и несомненно вполне выражала общее настроение истинных сынов православной церкви.

Новый патриарх, после своей интронизации, сделал визиты всем, почтившим его поздравлением и своим присутствием торжество его интронизации.

Как упомянутая речь, полная намеков на не вполне спокойное течение церковной жизни в Константинопольском патриархате, так и довольно любопытный, повидимому случайный, инцидент с патриархом Константином пред его избранием мало дают уверенности, что правление его церковным кораблем может происходить мирно. Инцидент же, о котором мы говорим, состоял в том, что полиция турецкая воспрепятствовала было патриарху, в ту пору митрополиту Дерконскому, принять участие на выборах, не выдавая ему необходимого **тескере** и ссылаясь на распоряжение, якобы исходившее на этот счет от председателя смешанной комиссии. Последний вынужден был, когда митрополит Дерконский обратился за разрешением недоразумения, сделать по этому поводу официальное заявление, что, согласно с положениями, выработанными на Лозанской международной конференции, в дела греческой Константинопольской патриархии никто вмешиваться не имеет права. Все недоразумения были отнесены на счет местной турецкой полиции, и митрополит Дерконский, бывший патриарх, присутствовал на своих выборах...

Но прошло несколько дней после торжественной интронизации, и Константинопольская полиция предложила патриарху **Константину**, как человеку, по ее мнению, скомпрометированному, покинуть патриаршие палаты в Фанаре и превратиться в подневольного анахорета Св. Афонской горы. Изумлению греческого населения Константинополя и ближайших лиц в патриархии не было конца. Заволновался и весь греческий православный мир, услышав о такой несправедливости со стороны нынешнего либерального турецкого правительства к патриарху Константину, как своему этнарху. Чем кончится этот шум, поднятый в печати и какова будет судьба в дальнейшем достойнейшего по своему образованию и убеждениям главы церкви Константинопольской, вселенского патриарха — трудно предвидеть (когда пишется настоящая статья), но самый вопрос о высылении патриарха из Константинополя на Афон возбуждает естественную тревогу в церковных сферах не только патриархата, но и всего православного мира.

Корабль церкви православной несомненно бросается в волнах житейского моря и нуждается в твердом надежном кормчем, который бы привел его благополучно к тихой пристани. В лице патриарха Константина истинные сыны православной церкви, близко к сердцу принимающие ее насущные нужды и запросы, могли надеяться видеть такого кормчего; но увы, с первых своих шагов на новом пути он встречает недоразумения и тяжелые препоны. Восточная православная церковь готовилась к своему давно ожидаемому и весьма необходимому церковному торжеству — созванию восьмого вселенского собора. Приблизительно назначен был и день торжественного открытия этого собора. И вдруг — неожиданное затруднение, которое может осложнить вопрос о созвании собора и даже помешать его открытию. К этому собору необходима серьезная тщательная подготовка, чего патриарх, оторванный от патриархии, от живой непосредственной связи с своим синодом и смешанным советом, сделать не может. Гора не представляет удобств для такой работы, так как там нельзя иметь ни жизненных удобств, ни необходимой канцелярской обстановки со штатами младших и старших грамматиков, или секретарей, и необходимого для постоянных справок архива и даже вполне благоустроенных научных с канонической литературой библиотек. Давать с Афона директивы и указания и Синоду и Смешанному Совету и получать от них взаимно их решения для патриарха письменно неудобно и по цензурным условиям со стороны полицейской турецкой администрации, а иметь сношения с Константинополем чрез таксидиаров — случайных путешественников и чрез собственных доверенных близких людей — и затратно, и трудно, в виду крайне неопределенных и редких пароходных рейсов, напрасных путевых расходов и возможных печальных случайностей по разным причинам, не исключая и бдительности полицейского надзора за этими лицами со стороны все той же бдительной и недоверяющей патриарху полиции. Будущее недалекое выяснит, быть может, урегулирует, как сложатся сношения вселенского патриарха Константина с его паствой и патриархией, но в настоящее время, как можно судить на основании непосредственного знакомства с устройством управления в Константинопольском православном патриархате и с условиями жизни и быта афонских монастырей, мало можно ожидать отрадного для церкви православной в патриархате. Напротив, возникают самые черные предчувствия, что зародившиеся были светлые надежды на недалекое лучшее будущее для христианского мира вообще и для православия, в частности, разлетятся, как дым по ветру, и снова придется ожидать лучших времен для православной церкви...

Русским людям серьезного образа мыслей нет надобности предаваться иллюзии, что характер и убеждения нового вселенского патриарха по церковным вопросам уже выяснились и кому-нибудь известны. Изложенные нами факты относительно каких-то непонятных недоразумений перед избранием, сильная, можно сказать, программная речь при вручении патриарху жезла и быстрая, после интронизации, высылка его из столицы — все это, по нашему мнению, говорит за то, что личность нового вселенского патриарха незаурядная и кому-то чем-то мешает...

Профессор А. А. Дмитриевский.

В р.-католическом мире.

Просветительный отдел Св. Синода в этом, 1925 году, выписал из-за границы ряд иностранных богословских журналов, дающих нам картину современной церковной жизни Запада.

Только что полученные из Парижа «Религиозные Новости», издание «Католического бюро печати» (Les Nouvelles Religieuses, № 1, 2, 1925 г.), сообщают нам о целом ряде небезинтересных моментов католической жизни.

В 1925 г. в Париже открывается выставка декоративных искусств. Католическая Церковь также примет участие в ней. Во французской деревне будет построена католическая часовня, украшенная лучшими художниками. По правилам выставки, в ней не должно быть ничего подражательного. Морис Дени, посвящая этому «событию» передовицу в новомодном номере, утверждает, что часовня будет иметь «убедительность и искренность наивной молитвы, крика сердца...» и тотчас же услужливо сообщает, что пожертвования принимаются там-то...

Католическая церковь заботится об оживлении религиозного чувства пасомых. С этой целью канонизован блаженный Жан Баптист Мари Вианнэй, бывший священником в Арсе. Окончательно побудило папу причислить его к лику святых два чуда Вианнэ: исцеление варикозного узла на ноге и хронического туберкулезного ларингита с полной потерей голоса, при чем, по словам папского декрета от 1 ноября 1924 г., эти исцеления были мгновенными. Того же числа в блаженные произвели директора богословского училища в Турине, священника Жозефа Кафассо (умер в 1860 г.).

Работают о.о. доминиканцы, которым 10 ноября 1924 г. папа в Риме высказал свое «восхищение и любовь». Научная работа католиков выразилась в закончившемся съезде «томистов» (последователей Фомы Аквината), а также в издании грандиозного труда «деяний Ватиканского Собора», каковую работу ведет архиепископ Афинский монсеньор Пти. Папа Пий XI в особом послании по этому поводу называет эту работу «бог вдохновенной». Центром внимания является, однако, так называемый «святой (юбилейный) год», каковым объявлен 1925 г.

30 ноября папа освятил 150.000 восковых пластинок, так называемых «Агнцев Божиих», где на воске выдавлен Св. Агнец.

Эти «агнцы» папа купал в особой ванне со св. водой. На «агнцев» пошло 500 килограммов воска, ну, а сколько килограммов металла получит преемник ап. Петра, в обмен на эту

банную операцию, пусть догадывается проницательный читатель.

Дело в том, что, организуя всевозможные торжества, католическая курия свято блюдет свои финансовые интересы. Так, в Испании организовано специальное национальное объединение (в которое входит знать и кардиналы) по поводу этого «святого года». Ожидается массовый наплыв паломников в Рим. Сообщают об этих религиозных экспедициях даже из Бразилии. Итальянский кабинет министров идет навстречу папе. Паломники, приобретшие «tessera ferroviaria», будут иметь скидку по железным дорогам. Эти «tessera» (прочека) продаются за различную плату, от 10 до 50 лир. Кто не может приехать, тот за 5 лир может пешком прийти в Рим и даже получить от папы памятную медаль.

Контакт папы и итальянского правительства возрастает. Совет министров издает «юбилейные» марки к «святому году», утверждает титулы, пожалованные папой. Этой идиллии нет во Франции. Эррио считается католиками врагом церкви. Появляются объединения для защиты церкви. Программа этих объединений — добиться, если не католического правительства, то правительства, уважающего религию. Цель объединений, в которые должны войти все католики Франции, следующая: 1) сохранение представительства в Ватикане, 2) уважения слова, данного Эльзас-Лотарингии, 3) отмена развода, 4) порицание безнравственности и нек. др. пункты.

Политическое положение Франции страшно тревожит католиков. Кардинал Луи Дюбуа, архиепископ Парижский, в своей газете «Религиозная Неделя» предупреждает о коммунистической опасности. В его статье «Куда мы идем?» кардинал, рассказывая о демонстрации коммунистов, в количестве нескольких десятков тысяч продефилировавших при перенесении праха Жореса с пением «Интернационала», восклицает: «Это было ужасающее зрелище. Опасность, которую считали далекой, появилась неожиданно и призрак советизма вырисовался на нашем горизонте». Коммунизм кардинал называет «самой ужасной катастрофой». Против коммунизма кардинал призывает «к священному единению всех французов для защиты порядка, авторитета, собственности, морали, патриотизма и религии».

Трогательное объединение религий, патриотизма и... собственности ярко подчеркивает сплошь классовый, капиталистический характер современного католицизма и его лже-священства.

Митрополит А. В.

Москва, 4 марта, 1925 года.

Памяти о. В. Шаповалова.

«Памяти о. В. Шаповалова»... как тяжело было мне прочитать эти слова. Мне, так близко его знавшему. Грустно, бесконечно грустно стало на сердце. «Отца Владимира нет в живых; он уже умер... Одна память осталась о нем»... Как горько чувствовать это. Сгорел добрый, честный, искренний, самоотверженный до полной забывчивости о себе человек, идейный работник на ниве Церковной, убежденный священник. Пламенной душой своей он отзывался на все доброе, честное и прекрасное. Неудержимо он рвался нести свет Евангелия и правды Божией всюду, где этому представлялась хотя какая-нибудь возможность. Его пастырская и, особенно, проповедническая деятельность (в школе и храме) воспламеняла сердца и умы слушавших его, будила самые лучшие христианские настроения. Он не знал схоластических трафаретов и оригинальным методом шел в своем трудном тернистом священническом пути. Его на каждом шагу встречали часто непреодолимые препятствия, а он, как бы не замечая их, шел по избранному пути к святой цели. Его гнали и преследовали за его, казалось, новые идеи; а он хотел только обновить предание Церкви, очистить его от тех придатков, которые пристали

к нему со стороны «школьной схоластики и казенщины» (эти термины всегда звучали в его речах). Свобода и прямолинейность, с какими он говорил всегда, делали его выступления предметом ожесточенной вражды и напрасной клеветы на него, особенно со стороны «лжебратии». Прогрессивное церковно-общественное направление его пастырской работы имело то важное значение, что поднимало в обществе, в духовенстве, в школе, в кругу соработников духовную жизнь, энергию... По остроумному выражению Галле-де-Культура, «если свободный священник представляет верх человеческого достоинства, то священник поработанный, священник, служащий лишь орудием в чужих руках, недостойн высокого звания человека». О. В. Шаповалов был прекрасный священник и прекрасный человек. — Я очень грущу о так неожиданной смерти его. В бурном вихре «дурных ветров», охвативших в последние дни его хрупкий организм и усталую душу, угасла кроткая лампада его христианской жизни...

Осталась одна зауспокойная молитва о нем...

Протопресвитер И. И. Филевский.

оруж
139 1925
12 ФОНА
~1